

Александр Забусов

ВАРЯГ

Страж
южного рубежа

Варяг

Александр Забусов
Страж южного рубежа

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Забусов А. В.

Страж южного рубежа / А. В. Забусов — «Издательство АСТ»,
2017 — (Варяг)

ISBN 978-5-17-103355-2

Если ты потомственный русский офицер, то защита Родины у тебя в крови. И не важно, что ты и твои друзья – офицеры – провалились на десять веков назад. Русь, Россия для тебя одна, и в новом для тебя мире нужно наладить жизнь и не опозорить офицерскую честь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-103355-2

© Забусов А. В., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
1	9
2	16
3	26
4	32
5	46
6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Владимирович Забусов

Страж южного рубежа

Роман

Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону

© Александр Забусов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

*И Громовержцу – богу Перуну,
Богу битв и борьбы говорили:
«Ты, оживляющий явленное,
не прекращай колеса вращать!
Ты, кто вел нас стезею правой
к битве и тризне великой!»
О те, что пали в бою,
те, которые шли, вечно живите вы
в войске Перуновом!*

«Велесова книга»

Велика территория Древней Руси. Земли, подвластные великому князю Киевскому, протянулись с севера на юг, от Студеного моря до Дикого поля, где еще недавно полноправным хозяином и господином властвовал на золотом троне каган, правитель Хазарии. Суровая в северных районах с быстрыми холодными реками, хмурыми сумрачно-зелеными хвойными лесами, застывшими в извечном покое с бездонными топями болот, скрываемых обманчиво-веселыми травяными окнами трясин, она мягкая и привлекательная для жизни на юге, где леса хоть и густы, но зелень светлая, ласкающая глаз, а чаши озер имеют цвет летнего неба. Да, болота на ней тоже имеют место быть и даже в большом количестве, но нет в них, – безысходности болотной ржавчины севера. Реки, текущие по южным землям, неторопливы, их сабельные изгибы, плавны, а песчаные берега выбелены горячим южным солнцем.

Жизнь державы протекает как бы сама по себе в веками сложившемся русле родовых обычаев, взаимодействуя с князьями и наместниками их, по законам Киевской Правды, да по величине уплаты дани или налогов в полюдь. Воля богов в судном поединке отмечает победой невинного. Рабство у русичей в эту пору как такового нет, кажется, живи и радуйся раскладу привычной жизни. Но пограничье на то и пограничье. Непокойные соседи в начале каждого лета приходят из степи в набег, грабят селища, угоняя скот и людей, а собираясь в большие ватаги – подстерегают судовые караваны на порогах приграничных рек. Давая отпор печенегам, дружины русов отгоняют их в степь, поблуждав по степным балкам и солончакам, возвращаются обратно. Так происходит из года в год.

В этом году лед на реке сошел рано. Солнце подсушило землю, обогрев ее, почки на лиственных деревьях поднабухли, а у корней проклюнулись иглы зеленой травы. Кое-где в густых лесах еще сохранились остатки посеревшего снега.

Ясным весенним утром, на пятачок затерянной в густом лесу маленькой поляны, выехал всадник. По натоптанной людскими ногами тропинке он неспешно порысил на немолодой низкорослой коняшке к бревенчатой избенке, большая часть крыши которой была укрыта лапами растущей по соседству огромной сосны, отчего издали сам домишко смотрелся игрушечным. Услышав звук копыт, на порожек избушки вышла старая седая, но ухоженная женщина, одетая в длинную рубаху с вышитой поневой на поясе и телогрейку без рукавов. Она приложила ладонь к бровям, вглядываясь против солнца, кто пожаловал к ее порогу.

– Здрава будь, Павлина!

– И тебе здоровья желаю, Вестимирушка, – напевно и вместе с тем со старческой хрипотцой в голосе откликнулась старуха.

Соскочив с лошади, крепкий дед, по осанке которого можно было и теперь угадать, что в молодости он стоял на стезе профессионального воина, без старческого напряжения подвигал

затекшими от езды на лошади конечностями. Оружия при нем не было никакого, зато крепкой рукой он упер в землю резной посох.

– С чем пожаловал в гости?

– В избу-то пустишь или здесь говорить будем?

– Заходи.

Пройдя через крохотную влазную, старик оказался в единственной комнате лесного жилища. Вдохнув терпкий запах сухих прошлогодних трав, подвешенных во многих местах жилого помещения, прошел к чисто выскобленному столу, присел. Тут же из-за печки выглянула усатая морда кота. Глазами бусами глянув на пришлого, кот потянулся до трепета в позвоночнике, расслабившись, смело подошел и запрыгнул на лавку, уселся рядом со стариком.

– Так каким ветром значимого на юге Руси волхва занесло к деревенской ведунье?

– Не прибедряйся, Павла, – волхв вздохнул, будто только сейчас решившись на разговор. – Ты, наверное, знаешь, что наши рода кривичей на пограничье пришлые. Прошло уж много лет, как мы ушли с исконных земель от родных печищ, отделившись от других родов. Дед нынешнего князя Черниговского позволил поселиться на землях северянских, да и то лишь потому, чтобы прикрыться со стороны Дикого поля от набегов кочевников.

– Знаю. Продолжай.

Кивок. Цепкий, заинтересованный взгляд хозяйки из-под седых бровей мазнул лик собеседника, соскользнул в сторону.

– Мы добросовестно выполняли взятые на себя обязательства, хранить от печенегов переданную нам землю, но ежегодные набеги истощили наш корень. Я советовался с богами. Еще год, ну два и нас совсем не останется на этой земле, а те, кто выживет, просто растворятся среди северян.

Словно приняв на плечи в одночасье неподъемную ношу, дед скукожился, но тут же встряхнулся, расправив грудь, продолжил речь.

– А еще сей год людокрады придут в набег большой силой. Боярину нашему я поведал об этом. Он постарел и обленился, да, по чести сказать, ленивым он был всегда. Я уверен, никаких действий на сей счет с его стороны не последует. Назрел вопрос, что предпринять, дабы род сохранить? Может, ты что посоветуешь?

Старуха подняла глаза на волхва, во взгляде читалась работа мыслей. Что можно ответить языческому священнику, умудренному опытом прожитых лет?

– Тебе квасу холодного налить?

– Нет. Так, что ты скажешь, старая?

– Ты сам-то богу Роду задавал сей вопрос?

– Ни знака, ни ответа я от него так и не дождался.

– Ну, что ж, я дам совет тебе. Вот только воспользуешься ли им?

– Говори, сейчас я готов на многое.

– Что ж, слушай. Насколько я помню, ты еще в молодости, отрешившись от стези воинской, попал в учение к Вышезару?

– Было сие.

– А ведь он мог ходить в грядущее и возвращаться из него по своей потребности. Ты тоже осваивал эту науку?

– Да, но только в грядущем я не был ни разу. Страшно! Велика вероятность погибнуть или не вернуться вовсе.

– Так вот, совет такой. Иди к богам, плесни в чару своей же руды, сотвори ритуал у чура Сварога и, ежели твоя удача с тобой, а мать судьбы, Макошь, спрядет покутное волокно как нужно, если младшие сестры её, Среча и Несреча, одна глянет на тебя благосклонно, другая же отворотит свой взор в сторону, ступай к месту силы. Ты знаешь, где оно. А уж пройдя по переходу, ищи руду родную в грядущем. Нам нужен тот, которого нурманы зовут высокопарно

– Ясенем Битвы. Надобен воин, способный вытащить род за уши из капкана небытия и возглавить его. Вот тебе мой совет и другого не будет.

– А вдруг не смогу вернуться?

– Что ж, ты исчезнешь вместе с родом, только и всего.

Солнце стояло в зените, когда волхв покинул избушку ведуньи. Его мысли блуждали уже далеко, стоявшая перед ним задача была за пределами человеческих сил и разума для любого обычного смерда.

1

Проснувшись по будильнику, Толик, умывшись, побрившись и заглотив кружку довольно отвратного кофе, облачился в спортивный костюм, побежал на городковское КПП, где по вторникам, средам и пятницам происходило построение части на физо.

Конец мая, теплынь. Успел встать в строй, когда народ уже готов был стартовать на трехкилометровый маршрут по грунтовке в направлении деревни Матвеевское. Неожиданно из-за угла бетонного забора, наследия советского периода ограды «красноармейских» зон, выскочил выдавший виды отечественный внедорожник, перед строем части закрипели тормоза командирского УАЗа. Первый зам, подполковник Дьяконов, подал команду и, шагнув навстречу командиру, полковнику Василенкову, доложил о готовности части к занятиям по физо.

– Игорь Петрович, к занятиям приступить, майора Монзырева ко мне.

– Понял! Монзырев, к командиру, остальные напра-во, по подразделениям бегом ма-арш.

Часть, медленно вытянувшись кишкой по дороге, подразделениями побежала на маршрут. Монзырев подошел к командиру, крупному дядьке под два метра ростом и под полтора центнера весом, одетого в камуфляж и повседневную фуражку с двуглавым уродцем на тулье, стоявшему возле УАЗа.

– Толик, я знаю, у тебя отпуск запланирован на лето, придется его перенести на осень, ты у нас человек одинокий, семьей не обременен. Короче, поедешь в командировку на три месяца. Командировка у тебя будет в нашем районе. На совете командиров, глава Администрации района попросил выделить трех офицеров. Направить в его распоряжение. Организуется летний лагерь для детей из неблагополучных семей района. Ты назначен начальником этого лагеря, будешь организатором и воспитателем в одном флаконе на все три заезда.

– Товарищ полковник, да какой я воспитатель? Побойтесь бога, Александр Васильевич, не умею я с детьми возиться, сопли им вытирать, не мое это.

– Все, Толя, это приказ, тем более ты будешь не один, с тобой едут старший лейтенант Горбыль и лейтенант Ищенко. Ректор пединститута подсуетится, выделит восемь студентов четвертого курса. Представляешь, какой цветник? Может, наши балбесы в конце лета надумают жениться. Кроме того, в штат будут входить две поварахи, медсестра, завхоз и сторож.

Исподлобья посмотрел на командира. В голову пришла только одна мысль: «Песец подкрался незаметно. – Хотелось бы знать, с чьей подачи свалилось это счастье на мою шею?»

Такой подляны от командира не ожидал, но сразу понял, отказываться бесполезно, себе дороже. В определенных кругах, Василича прозвали «Бультерьером», за мертвую хватку при решении любого дела. Если ему было что-то надо, он, вцепившись в холку, «нежно» тряс начальство, гражданскую администрацию, директоров предприятий, чиновников любого толку, ну и естественно – своих офицеров. Вытрясал из них все, что требовалось. Представители гражданских структур даже пытались прятаться при его появлении. Бесполезно!

Командир хмыкнул:

– Чего загрустил? Отдохнешь на свежем воздухе, лес, река, еще и заплатят за работу. В общем, форма одежды повседневная, в десять ноль-ноль садишься в УАЗ и едешь в районный центр, в администрации найдешь Щербатюка Алексея Ивановича, он там образованием рулит. Могу сразу сказать, что первый заезд начинается шестого июня. Все, вперед и с песней! Приедешь, доложишь.

Анатолий жил в городке уже давно, прибыв к новому месту службы старшим лейтенантом, переводом из части морской пехоты. Служил как все. После первой чеченской жена, красивая молодая женщина, забрав дочь, ушла к новому мужу, перебралась в столицу. После второй в его сознании поселился сложившийся стойкий холостяк, смыслом жизни которого осталась служба, а досуг проводился в компании с сослуживцами, где разговоры касались в

основном службы. В свои тридцать семь лет от роду майор Монзырев выслужил у государства два ордена, служебную квартиру и прививку от честволюбия, полученную в виде огнестрельного ранения в далеком Шаро-Аргунском ущелье. Больших денег не заработал, а малые, как и у большинства граждан страны, исчезали быстрее чем хотелось бы. В армии платили хреново и нерегулярно, было время, получку не получали по полгода. Гражданские смотрели на военных как на придурков, у многих офицеров жены сбегали, не выдержав безысходности положения мужей, не способных содержать семью. Политики и правительство вспоминали военнотружущих только перед выборами, затем добросовестно и надолго опять забывали о них. Все это наложило отпечаток на характер Монзырева, превратив его из восторженного пацана в лейтенантских погонах в поседевшего, но еще не старого, крепкого, неглупого мужика.

По раздолбаной вдырг дороге УАЗ выскочил из лесной чащи прямо к облупившимся от краски воротам бывшего пионерского лагеря, лет двадцать назад знавшего счастливые дни. Неужоженные строения, с заросшими тропинками между ними, плакатами с лозунгами детского соцреализма, прочесть которые в большинстве своем было уже невозможно.

Сторож Сергеич, лысый старикан с остатками длинного клока волос на загривке, собранного в подобие конского хвоста, семидесяти с лишним лет от роду, в потертой, но чистой одежде, хитроватым взглядом посмотрел на Монзырева.

– Что делать со всем этим добром будешь, майор? Лагерь нужно будет ремонтировать. От него даже наши новые буржуи отказались, а ведь приезжали смотреть его многие, даже купить хотели, но, поняв, что халявы не будет, ремонта здесь на многие тыщи, укатали и больше не появлялись. Сейчас все норовят что-то урвать получше и перепродать подороже, так что районная администрация лагерь втюхать никому не смогла. Всучила тебе, пользуйся, только не надорвись от счастья такого.

– Сергеич, сам говоришь, что ремонта на тыщи, я, что тебе, сплю с дочерью Рокфеллера? Если бы спал, ты бы меня здесь не увидел. Скажи, как тут к речке пройти? Или она уже высохла?

– Вот по этой тропке можно. Вниз спустишься, там в заборе пролетов нет, как раз быстрее всего и пройдешь.

– Колька! – кликнул майор.

Из УАЗа показалась разбитная мордаха солдата водителя, парня из рязанской глубинки.

– Идем хоть выкупаемся, да поедем. К вечеру надо добраться в часть.

Следуя к реке, Монзырев помянул «незлым тихим словом» командира с его командировкой, Щербатюка, распинавшегося о том, что требуется помочь – бедным – детям, хотя бы на лето изъав их с улиц. Мимоходом – помянул демократов, доведших страну до разрухи и войны на своей территории, себя, взявшегося не за свое дело. Чертовски хотелось вслух ругаться матом. Сдержался. Раздевшись, полез в чистую, прохладную воду реки. Река, широкая в том месте, где когда-то был лагерный пляж, действительно была чистая. После того, как закрылись многие заводы и фабрики, она ожила, смыл с себя всю таблицу Менделеева, купаться в ней было приятно.

«Ну, хоть какое-то удовольствие, – подумал он, – а жизнь-то налаживается. До заезда еще десять дней, необходимо брать персонал лагеря и попытаться хоть что-то привести в порядок до приезда вампирят».

– Колька, заканчивай. Пора ехать.

Вечером на кухне монзыревской квартиры сидели втроем: сам Монзырев и два его помощника – молодой и постарше.

Первый имел русые кудри, слегка подвергшиеся стрижке, а быть может, короткая армейская прическа успела обрасти лишними сантиметрами. В чертах его чистого красивого лица сквозила мягкость, напоенная тремя рюмками водки, остатки которой еще были в початой бутылке, стоявшей на столе рядом с нехитрой закуской. Серые глаза смотрели задумчиво, в

них не было того острого внимания к окружающему, пытливого любопытства. Так смотрят праздные мечтатели, упражняющие свое воображение, а не волю. Все, что доводил до него начальник, он воспринимал через призму пофигизма.

«Назначили и ладно. Съездим, отбудем, отдохнем и вернемся».

Второй – постарше, крепкий, жилистый, с блестящей, полностью лысой, как коленка, головой, остатки растительности на которой были сбриты. Несмотря на молодость, он уже успел повоевать, побывал в госпитале, в котором его, контуженого и обгоревшего, единственного оставшегося в живых из всего экипажа БРДМ, удалось довести и выходить. Спасибо армейским медикам, ангелам-хранителям воинов русских, хотя иногда их называют «помощниками смерти». Цепкий взгляд его говорил о том, что выпитое его ничуть не подкосило, а чтобы подкосить такого – требовалось, как минимум, еще три таких же емкости, которая стояла на столе, выпитых в одну харю. Его армейская куртка была снята и брошена на свободный табурет, стоявший у стены. На крепкой шее висел тонкий прочный шнурок черного цвета с православным крестом из серебра. На предплечье левой руки выколота татуировка, сама за себя говорившая, что ее владелец закончил «рязанскую дурку» и гордится этим.

Андрей и Сашка, холостяки, жившие в городковской офицерской общаге, а с сегодняшнего дня – на лето непосредственные подчиненные Монзырева.

Водка допита, задачи поставлены, проблемы обсуждены, и тройка наших героев со следующего утра должна запрягаться в ремонт объекта. Впереди восемь дней сплошной пахоты, день передыха и прием себе на шею молодого пополнения.

Теплый вечер. В такой вечер, с такими мыслями, как у Монзырева в голове, хочется выйти на балкон и крикнуть в темноту, в звезды, во всю дурь, но резко:

«Т-твою ма-ать!»

И услышать в ответ затухающее эхо:

«Мать, мать, ма...»

Пусть соседи порадуются за него. Они уже знают и про лагерь, и про козла отпущения, уезжавшего на все лето, сослуживцы все же...

Дальше был лес, свежий воздух и беспросветная пахота...

Мимо, грузно ступая, по протоптанной дорожке в сторону лагерной столовой прошли Андрей с Сашкой. Тащили кухонную утварь, от выделенной воинской частью машины. Третий день на исходе. Солнце скрылось за окровавленными горами черных туч. В лагере, находившемся внутри леса, сразу стало темно, повеяло предгрозовою прохладой, и ударил гром. В стороне небесную темень прошла блестящая молния. Крупные, тугие капли дождя вылились на молодую, лесную зелень. Народ, как юркие куропатки, быстро рассосался по схрамам. Монзырев тоже спрятался под крышу спального домика, отведенного для персонала, там же наткнулся на натекшую из-под досок потолка лужу посреди коридора сборно-щитового здания.

«Крыши тоже придется осмотреть, где надо подрихтовать. Бог ты мой, еще и этим заморачиваться», – подумал он.

Дождь закончился так же быстро, как и начался. Тучи развеялись, вечернее солнце зашло за кроны деревьев, свежесть осталась. На совещание собрались на веранде столовой, присутствовали офицеры, завхоз Смирнов, мелкий толстый мужичок с совершенно круглым лицом, на котором выделялись рыбы глаза под белесыми ресницами. Монзырев заметил, что если он иногда и улыбается, глаза остаются холодными, без радости жизни в них, такие глаза, наверное, были у членов расстрельной команды НКВД разлива 1937 года. За три прошедших дня майор ни разу не видел, чтобы Смирнов был чем-нибудь доволен.

«Да-а, тот еще фрукт, – подумал Монзырев. – В разведку я бы с ним не пошел и спиной к нему не повернулся. С завхозом не повезло, но работать придется».

Поварихи – тетя Тая, женщина пятидесяти пяти лет, и молодка Ангелина – сезонные рабочие, проживавшие в одной из близлежащих деревень, устроившиеся на заработки, по случаю.

«Однако, – отметил начальник лагеря. – Порядок у себя на кухне и в столовой они навели, в процессе посмотрим – вкусно ли готовят».

У стены, как всегда с хитроватой улыбкой расположился Сергеич, не вмешивающийся ни в какую работу, но замечающий все, что происходит вокруг, и добросовестно докладывающий Монзыреву обо всем и обо всех.

И, наконец, пять молодых специалистов, будущих педагогов от разных наук. Молодость некрасивой не бывает – этим все сказано.

«Главное не филонят, выполняют поставленную задачу хорошо. Опять часов до трех ночи с моими орлами засидятся. Когда только высыпаться успевают?»

– Ну что, дорогие мои, осталось времени совсем немного. Я вами доволен... Пока. Самое главное, не работать по принципу «вспотел – покажись на глаза начальству». Как приготвимся, так и дело пойдет. Василий Семенович, – это Смирнову, – у вас завтра-послезавтра завоз продуктов, постельного белья и другого хозяйственного хлама. Постарайтесь успеть, я на вас надеюсь. Ну, а остальные окрысились на работу, пятого числа – всем отдых перед основной деятельностью. Если всем все понятно, тогда сейчас отдыхать.

Все стали расходиться на отдых после трудового дня. К Монзыреву подошел Смирнов.

– Анатолий Николаевич, я могу не успеть за два дня, – с придыханием, не оправдываясь, а скорее констатируя факт, заявил «Рыбий глаз».

– Василий Семенович, я же не спрашиваю, почему вы можете не успеть. В течение двух дней у вас ЗИЛ-130, военный водитель и старший машины, так что, будьте любезны успеть, иначе ей-богу, я вас по законам военного времени, выведу во чисто поле и расстреляю три раза, причем два из них в извращенной форме.

– Но...

– Все, я сказал. Выполнять.

– Я что должен ответить «есть»?

– Глядя на вас, уважаемый, я сделал вывод, что оттого, что вы не служите в доблестных рядах вооруженных сил, армия только выиграла. Ну, а мне достаточно услышать всего одно слово, «слушаюсь», и отпустить вас с миром баюшки.

По-стариковски кряхтя, Смирнов пошел к выходу.

– Круто ты с ним, Николаич, – одобрительно заметил сторож. – Завтра найдет повод и нажалуется на тебя в администрацию.

– Да бога ради! Сергеич, моя дубленая задница все выдержит, ты присматривай за этим жуком.

– За это даже не переживай, уж я пригляжу. Сам-то иди, отдыхай, намаялся за день.

Оставшиеся дни пролетели быстро, даже успели побывать в городке, прихватить пожитки. Утром шестого июня офицеров, одетых в гражданскую одежду и кроссовки, УАЗик выгрузил у здания районной администрации и уехал в часть. Здесь уже стояли две гаишные «девятки» с экипажами для сопровождения, два автобуса «Икарус», потрепанные, древние, один из них на ходу, под – двигателем второго раритета расплзлась жирная черная масляная лужа. Монзырев сразу осознал, что эта телега никуда уже не поедет, но, прослужив в армии не один год, не удивился, к такому бардаку был привычен.

На площадке перед зданием, для принудительного отдыха были собраны в толпу подростки обоего пола. Перекурив, Анатолий подошел к контингенту.

– Внимание! Призывники, построились, – громко подал команду. – Посчитаем вас.

Обратившись к ответственному клерку, выяснил, у кого списки отъезжающих.

– У вашей медсестры. Мария Васильевна, подойдите к нам, пожалуйста. У вас списки?

Детвора, галдевшая, но все-же соблюдающая подобие строя, поддерживаемого в том числе и тремя представителями милиции, с любопытством смотрела на Монзырева, во взглядах читался вопрос: «Чего ожидать от тебя, дядя?»

Рядом с Монзыревым прорезались две девушки, обе с небольшими походными сумками, в коротких юбках и футболках по сезону, на ногах босоножки на шпильках. Тут же сунулись к Толику:

– Извините, мы немного задержались.

– Не задержались, а опоздали на полчаса. Если б мы вовремя выехали, сейчас бы добились перекладными. А где еще одна?

– Галина уже должна была быть. Мы не знаем. Прозвучал в один голос ответ студенток.

– Ладно, вон стоят двое орлов, – Монзырев указал взглядом на своих офицеров. – Пока двигайте к ним, ожидайте.

Отвернувшись, он со списками подошел к автобусу, оттуда скомандовал:

– Сейчас буду зачитывать фамилии, услышав свою – загружайтесь в автобус. Знакомиться будем в лагере.

Посадка началась, гомоня и подсмеиваясь, кто над чем, дети полезли в автобус. А вскоре Монзырев понял, что все не влезут. Усадив в автобус большую часть народа, он впихнул в гаишные машины еще восемь человек, и все равно оставалось четырнадцать детей.

– С этими что делать? – обратился к клерку от образования. – Еще транспорт есть?

– Может, потом за ними приехать? – неуверенно спросил тот. – По поводу транспорта я не уполномоченный.

– Я вижу, что ты не упал намоченный, тебя еще в детстве уронили на сухой бетонный пол. За такую работу, я бы тебя сейчас с большим удовольствием уронил на асфальт, во-он в той луже машинного масла, может, тогда у вашей братии совесть проявляться хоть иногда будет, – брезгливо отвернувшись от представителя гражданской власти, с досадой прикинул последовательность вероятных телодвижений. – Сорок один километр в одну сторону, сорок один – в другую. Еще неизвестно, доедет ли этот монстр на колесах до места, уж больно вид у него стремный, да и загружен под завязку.

Окликнул:

– Марья Васильевна, вот списки. Оставшихся здесь я отчеркнул. Вы сами заходите в автобус, ну а мы на перекладных доберемся.

Губы у клерка растянулись в блаженной улыбке, судя по его виду, трудностей в жизни он не любил и к проблемам был не готов.

«Эх, Расея – родина слонов! Наплодили чинуш, куда ни плюнь, вот в такого деятеля попадешь, не промахнешься!» – торкнулось в голову Монзырева.

– Анатолий Николаевич, так я могу доложить об успешном начале нашего дела?

Косо глянув на клерка, Толик бросил:

– Докладывай.

Не обращая внимания на чиновника, махнул рукой головной гаишной «девятке»:

– Трогай, встретимся в лагере.

Он подошел к молча стоявшей ребятне, понуро оценивающей происходящее вокруг них.

– Ну, что пригорюнились? Не пропадем, сейчас выйдем к автовокзалу и доберемся на попутном автобусе почти до места, а там пешочком – и золотой ключик у нас в кармане.

Подошли Сашка, с тяжелой парашютной сумкой в руках, и Андрюха с девушками.

– Что, командир, выдвигаемся?

Не успев ответить, Монзырев, да и остальные повернулись в сторону мягко скрипнувших тормозов. Перед собравшимися остановилась черная «Мицубиси Паджеро», из передней двери

вышел лощеный парень в черном костюме и белой рубашке при галстук. Торопливо озираясь по сторонам, он открыл заднюю дверь машины, из которой на асфальт выпрыгнула собака сероватой масти с купированным хвостом и острыми подрезанными ушами, тут же отбежала на травку и, присев, сделала свои собачьи дела. Следом за собакой из машины вышла красивая, длинноногая девица в стильной одежде.

– Ой, Галка! – воскликнула одна из студенток.

– Привет, мальчики и девочки! – мелодичным голосом поздоровалась подъехавшая представительница прекрасного пола. Из ее глаз лучилась непосредственность юности, черты лица выражали скорее кокетство избалованного жизнью великовозрастного ребенка, чем глупость и тупую простоту блондинки.

– И вас с Новым годом, мисс! – откликнулся Андрюха Ищенко.

– Как хорошо, что вы почтили нас своим присутствием, мадемуазель, – это Монзырев. – Появились колеса. Откуда прибыло это чудо японского автопрома? Или по случаю подвезли добрые люди?

– Это папин.

– Ну, так, может, загрузим его детьми? И вы вместе с ними доедете до лагеря? Остальные перекладными.

Галина обратилась к водителю, вышедшему из машины и кутившему у левой передней двери.

– Жень, отвезешь детей в лагерь?

– Галина Александровна, а где это?

– Это сорок один километр от города, в южном направлении. Деревня Писаревка, от лагеря в пяти километрах, там еще монастырь мужской, Ястребова Пустынь называется. Ну, понял, нет? – Монзырев вопросительно смотрел в глаза явно скупающего водителя.

– Да, понял, сейчас только шефу отзвонюсь, – водитель японской «кобылы» влез в нее и по мобильному телефону стал названивать хозяину.

– У зверя намордник-то есть? – обратил внимание на собаку майор.

– В багажнике, вместе с сумкой.

– Ну, так и зачехли своего крокодила.

– Это не он, а она. Голубая доберманеха, зовут Марго. Маргоша, иди сюда, моя-а хорошая соба-ачка! Этот несносный дядя думает, что мы кого-то можем покусать! А мы ведь добрые, мы никого не кусаем.

– Хм! Ну-ну.

Галина взяла четвероногого гоблина семейства собачьих за ошейник. Распорядилась:

– Толик, принеси намордник!

Монзырев удивленно повел бровью, но оказалось, что Толиком звали охранника. Тот беспрекословно подошел к задней двери «Паджеро», открыл ее и, покопавшись в багажнике, принес изделие кожевенных мастеров в гламурном исполнении, по толщине полос и выделке кожи больше соответствующее использованию на морде какой-нибудь таксы, чем на сторожевой породе, передал его Галине.

– Все, можно загружаться, – известил Евгений. – Шеф дает добро.

В машину усадили пятерых детей. Галина соизволила ехать со всеми вместе на перекладных. В результате Монзырев поменял еще троих мелких на одного крупного охранника.

– Шеф приказал лично доставить Галину Александровну до места, – сообщил бодигард Монзыреву.

– Ну, коли приказал... Так, а сумки можно положить в багажник.

– Нет, командир, своя ноша не тянет, – Сашка демонстративно забросил сумку за спину. – Все свое – ношу с собой.

Оставшаяся пацанва быстро позабрасывала свои баульчики в багажный отсек, и машина тронулась с места. Монзырев окинул взглядом мелкое воинство: два орла, охранник, три великовозрастные девицы, шесть пацанов, три девчушки и собака в наморднике.

– Ну что, подельнички, потопали? – он, развернувшись, подхватил свою сумку, пошел в сторону автовокзала, за ним двинулись остальные. Замыкали шествие охранник, сразу же вспотевший на солнце в своей классической паре черного цвета и белой рубашке с галстуком, с Галининой сумкой и странным тубусом в руках, и Андрей Ищенко с рюкзаком за плечами.

Сделав первый шаг в направлении автобусной остановки, Монзырев даже не подозревал, как с этим шагом круто изменится его жизнь и жизни всех тех, кого он вел за собой.

2

Уже два часа группа шла по лесу, отмеряя шагами оставшиеся до лагеря восемь километров, и никак не могла дойти. Монзырев подметил, что привыкшим к пейзажам городских кварталов и асфальтированным тротуарам детям и «барышням», первоначально восхищавшимся видами натуральной растительности и щебетом пернатой живности, стало приедаться вынужденное блуждание по лесным просторам малой родины.

Высадившись из рейсового автобуса, со скоростью пьяного ёжика ехавшего от деревни к деревне, пошли по разбитой лесной дороге, когда Горбыль предложил:

– Командир, давай срежем расстояние. Дорога делает крюк и петляет по лесу, а напрямик через тридцать минут будем на базе.

Услыхав, что уже через тридцать минут они будут в лагере, голодный народ зароптал.

– Сашка, да ты посмотри на наших воспитательниц, у них же шпильки по десять сантиметров.

– Ничего, Анатолий Николаевич, у меня в сумке есть две пары кроссовок. Я поделюсь с девочками, кому размер подойдет, – слышав о возможности проделать дистанцию в урезанном варианте, сориентировавшись, предложила Галина.

– Ага, две пойдут в кроссовках, а одна на каблуках? Хитропопые красавицы. У кого ноги болеть потом будут?

– У меня шпильки совсем не высокие, Анатолий Николаевич, – белобрысая Анна шагнула вперед, выставив ногу напоказ.

– Ну, коли есть желание торить лесные тропы, переобувайтесь и свернем в лес.

В лес свернули, сверившись по солнцу, компаса ни у кого не было, да, в общем-то, он и не нужен. Часы показывали начало шестого. Через полчаса, шагая по запущенному смешанному растительному массиву, к лагерю не вышли, хотя шли в правильном направлении. Не вышли и за следующие полчаса. Монзырев объявил перекур. Сориентировавшись, докурив сигарету, дал отмашку, снова двинулись, причем темп ходьбы непроизвольно увеличился, всем хотелось есть. Замыкали колонну все те же – охранник Толя, умаявшийся с непривычки лесных блуканий, снявший с себя пиджак и «сверкающий» сбруей с ПМ под мышкой, и Андрей Ищенко – этот свежий как огурчик, хоть повесь ему дополнительный рюкзак на спину.

Монзырев остановился. Из колонны к нему вышел Сашка:

– Командир, что остановился?

– По кругу ходим, Сашок.

– Как так?

– Смотри, видишь, справа бычки валяются? Перекурили, бросили, ушли. Это наши бычки.

– Да не могли мы по кругу идти, шли только прямо.

– Мы шли только прямо, это ты прав. Леший водит.

Сашка недоверчиво посмотрел на начальника, любопытные взгляды детворы тоже говорили о многом. Детишки подобрались в команду те еще. Возраст от двенадцати до пятнадцати лет, воспитаны улицей, со всеми вытекающими. Ни в бога, ни в черта не верят. Ухмыляются.

Род Монзыревых глубоко уходил своими корнями в Ростовскую область, его предки были донскими казаками. В станице, куда его отвозили каждое лето, на все каникулы, и до сих пор люди помнили его прабабку Лизавету – знахарку, прожившую со своим мужем прадедом Монзырева лет до ста, лечившую обращающиеся к ней население близлежащих и дальних станиц.

Он хорошо запомнил рассказанную на вечерних посиделках кем-то из взрослых байку, как однажды к бабе Лизавете, тогда еще молодой красивой казачке, приехали из станицы под Ростовом, посланные богатым уважаемым станичным атаманом, казаки.

– Лизавета Кондратьевна, помоги, сгорает на глазах дочка атамана, к врачам возили, показывали, врачи ничего не нашли. Вянет молодка, на глазах вянет. Атаман заплатит хорошо, не обидит.

И поехала Лизавета. Отчего ж не поехать, коли помощи ждут!

Курень атамана поставлен в центре станицы, и по приезде светила от «деревенской медицины» у дома за плетнем собралась добрая половина станичников. Лизавета Кондратьевна вошла в комнату болящей, пробыла там какое-то время, выйдя, сказала домочадцам:

– Геть с куреня за плетень. И народ отвесь в сторону от ближней станичной околицы.

Слегка побурчав, семейство покинуло родовое гнездо, присоединилось к любопытным, курившим и галдевшим неподалеку от ворот. Дело к обеду, уже и ожидать чуда устали. Когда вот она, ведьма! Станичники видели, как Лизавета вышла из куреня с подушкой, вытянутой из-под головы девицы, в руках. Пошла вокруг хаты, взбивая и теребя ее руками, она что-то тихо наговаривала себе под нос, слов разобрать никто так и не смог, как народ ни прислушивался. После обхода второго круга, из открытой двери дома стали выскакивать мелкие, лохматые существа, похожие на бесов, какими их представляют и по сей день обыватели. Не обращая внимания на собравшихся, существа выбегали через открытые ворота и скачками неслись в сторону околицы. Заголосила мать больной, загудели станичники. Елизавета направилась к воротам, подошла к атаману.

– Что ты голосишь? – устало кинула она безутешной матери, сунув ей подушку в руки. – Подушку сожжешь сама, хвороба уйдет полностью. А ты, атаман, жди сватов по осени, здорова твоя дочь.

Таких баек про бабку Лизавету Монзырев знал великое множество. О многом она и ему рассказывала, поэтому запредельному для разума майор не удивлялся.

– Все встали друг за другом, положили руку на плечо впереди стоящего организма и пошли след в след, – велел он, посмотрел на положение солнца на небосводе, сделал поправку направления. – Двинулись.

Неспешно, стараясь не терять направление – шли. Со стороны могло показаться, что поводырь ведет слепцов. По мере движения Монзырев стал шептать слова молитвы:

«Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твое, да будет воля твоя...»

Эти слова он знал хорошо. Это была единственная молитва, которую он выучил, которую в детские годы вдолбила ему прабабка:

«От всех напастей поможет, внучек. Запомни ее накрепко», – прорезался в голове скрипучий голос бабки Лизаветы.

Не отвлекаясь от маршрута, Монзырев заметил появившуюся впереди поляну. Деревья перед ней выглядели уродливо. Стволы были не прямые, выгнутые в разные стороны, некоторые закручены практически в узлы. Вспомнилось название всего этого безобразия:

– Место силы.

Перед взглядом Монзырева предстала прозрачная пленка, будто какой-то извращенец вытянул ее из тонкой резины, через которую в легком мареве едва проглядывался веселенький пейзаж с противоположной – стороны, мало того, на пейзаже казалось струится радуга, как после дождя, так бывает, когда смотришь на свет через мыльный пузырь.

«Чудны дела твои, Господи!»

Толик в раздумье стоял на месте, качал информацию из визуальных источников, когда рука Горбыля слегка сдавила плечо. Требовалось сделать шагов пять, и все прояснится. Вдруг пленка напряглась с противоположной стороны. Перед Анатолием неожиданно, словно из ниоткуда, предстал человек в маскарадном костюме, стилизованном под одежду времен царя Гороха. Судя по всему, для него такая встреча тоже составляла полную – неожиданность, это

было видно по шальному взгляду. Незнакомец открыл было рот, чтоб выразить свои мысли по поводу случившегося контакта, когда за его спиной нарисовался еще один персонаж сюрреалистической постановки лесного спектакля, скорее всего скоморох, по другому и не классифицируешь мужика такой стати и в таких шмотках. Толик услышал его проникновенный голос, обращенный явно к первому:

– Молчи, боярин! Если скажешь хоть слово, круг не замкнется. Можешь потерять больше, чем найдешь!

Словно черная туча упала на лицо вышедшему к ним мужчине, он опустил глаза ниц. Анатолий решил заговорить первым, выяснить у ролевиков примерное расположение дороги, когда из дырявой пленки очень быстро просочилась серая пелена, слизнула обоих незнакомцев в один миг, будто и не было никого.

– Сашка, ты их видел, или у меня глюки?

– Видел, командир. Кстати, первый мне кого-то напомнил.

– Давай так, чтоб не в Кащенко попасть, а на дорогу выйдем, считаем, что это ролевики озорничают.

– С натягом принято, Николаич.

Остальной контингент, молча, переваривал увиденное и услышанное. Свое мнение никто не высказал, тем более потревоженная пленка вновь выказала свою целостность и все так же играла радугой на солнце. Ходоки друг за дружкой подошли к ней вплотную.

Протянув к плотной пленке руку, потрогав натяжение указательным пальцем, Монзырев ничего не ощутил и с очередным шагом прошел ее, выйдя на поляну. За ним гуськом втянулись остальные. Не прекращая идти, он оглянулся, ему было интересно, как поведет себя нарушенная мембрана? Отошел в сторону, разорвав импровизированный строй, встал сбоку, пропуская мимо себя выходявших. Причем тех, которые еще не прошли мембрану, он не видел вовсе, как будто из подернутой рябью пелены вдруг показывался очередной человек. Вся группа вышла. На мембране прорисовался непонятный знак, не то иероглиф, не то руна. В голове откуда-то появился ответ на не совсем сформулированный до конца вопрос в мозгах:

«Руна полного закрытия».

Откуда он пришел, кто его подсказал, непонятно.

С опозданием, на ум пришла мысль:

«Наше вторжение может быть опасно, и куда интересно мы вторглись?».

В нескольких метрах от людей пространство стало меняться и как бы светиться. Особенно хорошо было заметно это сияние боковым зрением.

В голове у Монзырева появилась характерная боль, указывающая на то, что прямо в мозг непонятно откуда пошел поток информации:

«Тебя ждут большие проблемы, которые ты будешь решать, иначе вы все погибнете. Вы прошли через мембрану пространства и времени. Идите через поляну дальше вниз по реке. Будет встреча».

Приглядевшись, Монзырев понял, что глюки были только у него, а еще то, что пленка исчезла, испарилась – будто ее не было никогда. Самое интересное, лес за кривыми деревьями был другим, не похожим на тот, который виделся через прозрачную пелену. Распавшаяся колонна реорганизовалась в обступивших его кругом воспитанников. Невысказанный вслух вопрос повис над собравшимися. Головная боль отпустила.

– Что ж к реке, так к реке, – пробормотал он. – Внимание всем, мы находимся в незнакомой местности. Внимательно осматриваться по сторонам. Кто заметит что-то необычное – немедленно докладывать. Громко не разговаривать, не суетиться, слушать команды. Все

девушки в середину колонны. Сашка – в головной дозор, расстояние до головы колонны сто метров. Андрей – в замыкании. Направление – прямо, через поляну. Впереди река. Все, пошли.

К реке вышли примерно через двадцать минут, часы, у кого они были, не шли, сломались одновременно у всех. Повернули налево и двинулись вдоль реки по течению. Речка была широкая, с низким противоположным берегом, поросшим камышом, вправо – влево, вдоль берега проходила натопанная тропа. Через какое-то время почувствовали запах гари. Темнело. Навстречу двигавшейся колонне выскочил Горбыль.

– Командир, что происходит? Во что мы вляпались? Там, за излучиной реки – частокол, я такого еще не – видел, сгорел во многих местах, видел трупы, много. – Одежда странная, посечены холодным оружием, у многих в телах стрелы торчат. За частоколом полуземлянки какие-то, только в центре рубленая изба, да и та на наши не похожа, правда и она качественно пострадала. Где это мы?

– Спокойно, Сашок. Всем в заросли и сидеть тихо. Галина, возьми собаку на поводок. Сейчас разберемся. Андрей, Толик, оставайтесь здесь. Сашка, идем, проветримся.

Из своей сумки Монзырев достал два боевых ножа в кожаных ножнах и пристегнул их с двух сторон к офицерскому ремню.

Сашка в темпе расшнуровал парашютную сумку, используемую им как хозяйственный ранец.

– Николаич, погоди минуту.

Вытащил автомат Калашникова со складным прикладом и невскрытый цинк патронов. У Монзырева глаза полезли на лоб.

– Откуда?

– Да вот из командировки привез. В городке не постреляешь. Хранил в гараже. А тут думаю, возьму с собой на всякий случай. Отморозков попугать, если что, вот и попугал.

– Развездай.

– Да, ладно!

Вскрыв цинк, Горбыль сноровисто набивал магазин патронами. В это время Монзырев набросил на себя пятнистую куртку от комка.

Уже совсем другим ходом, словно тени, они исчезли за излучиной речки. Глазам Монзырева представилась картина, схожая с той, которую он видел по фильмам о древней Руси, только вместо рубленых изб за частоколом действительно оказались полуземлянки. Убитых, лежавших возле своих жилищ, было много. На глаза попадались старики, дети, мужчины, одетые точно не по моде двадцать первого века, в лаптях и самодельных сапогах. Монзырев насторожился. Навстречу шел человек, по очертаниям очень похожий на кого-то знакомого.

– Николаич, не сторожись, к тебе я с миром.

– Сергеич? – удивлению Монзырева не было предела. – Ты как здесь?

– Вот и свиделись Анатолий Николаевич. Отошли Александра за остальными. Пусть подходят к веси, только внутрь не заходят, тяжело здесь быть с непривычки. Пусть не боятся – живых здесь нет, а мертвые... – Сергеевич тяжело вздохнул. – Разговор у нас с тобой будет. Думал долгий, а долгий не получится.

– Да уж я понял. Сашок, води сюда всех. Да пожевать бы им чего.

– Придумаем что-нибудь.

Сашка неторопливо удалился.

– Идем, Анатолий Николаевич, не здесь же говорить.

Сергеич вывел Монзырева через другой выход из деревни. Ворота были выбиты и лежали створами дверей на пыльной полевой дороге. За частоколом росла дубрава, деревья в ней радовали глаз, все как на подбор широкие в обхвате, старик по тропинке повел Толика в глубь ее. Шли ходко. Молча, ни тот ни другой не нарушали этого молчания. Тропинка наконец-то уперлась в открытые ворота огражденного двора, только изгородь в нем составляла все тот же

частокол. У ворот лежали четыре мужских трупа в холщовой одежде и лаптях. Сергеич обошел их и вошел в ворота, Монзырев за ним. К виду трупов он привык еще на войне, поэтому никаких эмоций в душе не выразилось. Во дворе с обеих сторон натопанной площади, прямо из земли возвышались рубленые истуканы, судя по виду простоявшие здесь не одну сотню лет. Справа от ворот находилась небольшая изба, вот в нее-то Сергеич и завел Монзырева.

Обстановка внутри состояла из печи, выложенной из обожженной глины, топившейся хозяином по-черному. Возле окна, где вместо стекла была вставлена слюда, стояла небольшая деревянная кровать, накрытая шкурами животных, и приставленные к столу скамьи. На столе был глиняный светильник, в котором, источая характерный запах, горел жир.

– Садись, Николаевич, гостем будешь.

– Спасибо.

Уселись друг напротив друга.

– Ну, рассказывай, Сергеич, что за хрень такая, куда нас черти занесли?

– Насчет чертей не знаю, а находитесь вы, говоря современным тебе языком, в Киевской Руси. Десятый век вашей эры. И в гостях ты не у сторожа Сергеича, а у волхва и зовут этого волхва – Вестимир. Поговорим?

– Давай, – на лице Монзырева от полученной информации не дрогнул ни один мускул, хотя в душе холодным ветерком потянуло, но после увиденного в деревне он не ставил под сомнение слова этого человека.

– Думал, беседа у нас длинная получится, но время уходит, поэтому потороплюсь. Слушай. Попал я в ученики к волхву еще отроком. Сильным волхвом был старый. Мы дети Дажьбога. Многому он меня научил. Многому, но не всему. Родовичи, за кромку ушли которые, в Ирий, подали мне знак. Веси нашей опасность грозит, а помощь никто не окажет, как ни проси. Оповестил я родового боярина, мол, что придут в начале лета в набег печенег клятые, как саранча расползутся по весям кривичей, да не внял он словам моим, жирком заплыл, богатством, оттого и погиб. Ведь весь наша – это все равно что пограничная застава в твоём времени, обязана первым встретить врага и сообщить о нападении. Времени было мало. Совет родовичей ушедших, да и не только их, был таков, искать родную кровь в грядущем, они де помогут. Нашел я тебя, потомка нашего, а с тобой и воев твоих. Привел сюда, да опоздал малость. Время не рассчитал, по-разному оно идет там и здесь.

Монзырев хлопнул глазами, не полностью врубаясь в ситуацию.

– А меня ты спросил, козлиная старая? Волхв, а товарищам моим за что это все? А детям? Ты что наделал, чудака на букву «М»? – Монзырев схватил Вестимира руками за льняную рубаху.

– Охолопись, Николаич. Дослушай.

– Ну-ну?!

Ослабив хватку, отпустил старика, сверля его взглядом мутных глаз, злость на волхва еще не выветрилась из головы.

– Многие собраны здесь не просто так, вырвал я их из грядущего времени не зря. Что ж, слушай. Горбыль Александр Петрович – погибнет осенью в ноябре месяце, сопровождая из Рязани призывников в часть. В тамбуре электрички получит ножевое ранение в печень от залетного татя, по-вашему, отморозка. Ищенко Андрей Владимирович – в августе этого лета разобьется в районе Коломны на своей старенькой «девятке», откажут тормоза. Федорова Галина Александровна будет взорвана в машине вместо своего отца – крупного авторитета. Майкову Анну Сергеевну зимой изнасилуют «дети гор», потом задушат. Дети, пришедшие с тобой, тоже не все останутся живы к концу сего года, все-таки не из благополучных семей. Нет вас в будущем. Я знаю, что нет.

– А я?

– Что, ты? Ты родович наш, ты воин, обязан помочь своему роду, своей крови.

- Ну что, помог? Вся деревня трупами завалена.
- А теперь слушай, воин. Печенеги не ушли. Наша весь первая. Надо идти вниз по реке, отбить полон, отбить всех, кто остался. Ты это можешь – я знаю. Помоги роду выжить.
- А ты сможешь вернуться назад?
- Ты когда проход прошел, видел на пелене что-нибудь?
- Знак там высветился, вроде восточного иероглифа.
- Врать не буду. Проход закрыт. Если откроется, так только через девять лет. Прости. Ничем помочь не могу. Да и век свой знаю. Не будет меня через девять лет, за кромку уйду.
- Ладно, деваться некуда. Моих-то куда?
- Да вот сюда и приведу. Я думаю, боги не обидятся.
- Ну, тогда с богом. Спешить надо.
- Пусть поможет тебе Перун в делах ратных.

Выйдя к своим, Монзырев сразу же вручил волхву девушек и детей. Несмотря на пререкание Галины, заставил ее уйти вместе со всеми.

Оставшись с парнями, вкратце объяснил ситуацию. Все полезли в сумки за одеждой, прикидывали, что можно использовать как оружие в походе на печенегов. – Приодели Толика, заменив белую рубашку пятнистой курткой, и двинулись вдоль реки, на ходу разделив буханку черного хлеба, оказавшуюся у Андрюхи в сумке.

Ночевали в лесу поодаль от берега реки. Разделив остаток ночи на четверых, несли дежурство – береглись от лесного зверя и лихого человека. Вымотались все невероятно. Поодаль трещали, ломаясь, ветки прибрежных кустов, не то кабаны продирались к реке на водопой, не то бродил поблизости хозяин леса – медведь, но, несмотря на все это, усталые люди забылись тяжелым сном.

С первыми лучами солнца, пробившимися через листву деревьев, двинулись дальше. Душу Монзырева заботило то, что отряд следует по незнакомой местности, без карты, без проводника. Единственный ориентир – река и натопанная дорога вдоль нее. Отмечались следы прошедшей по дороге конницы, но количество ее определить было сложно современному человеку.

К полудню прошли километров двадцать. Вдали, по реке, слышали присутствие людей. Монзырев приказал войти в лес. По «зеленке» пробирались, стараясь не создавать шума. Через какой-то отрезок пути более отчетливо слышали присутствие большого числа людей. В просветах между деревьев показались очертания славянской деревни. Поваленный во многих местах частокол ограждения. Метрах в трехстах, свободных от лесной растительности, парни увидели вооруженных копьями и луками не то татар, не то схожих с ними кочевников, в длинных черных одеждах, в остроконечных колпаках, тоже обтянутых черной тканью, было не понять, шлем под ней скрывается или просто шапка из плотного войлока.

Печенеги.

– Распределиться вдоль кромки леса, наблюдаем, – подал команду Монзырев.

Печенежский стан находился на открытой площадке перед деревней. За составленными кольцом и связанными между собой повозками просматривались две юрты из бурого войлока. К повозкам и обратно сновали чужаки, стаскивая и укладывая какой-то хозяйственный скраб из поверженной деревни. Неподалеку от реки Монзырев разглядел еще один лагерь – пленники, это было заметно сразу. Люди сидели прямо на земле, были избиты, некоторые ранены, для удобства конвоирования на большие расстояния привязаны за руки к длинным веревкам. Мужчины, женщины, стариков не было вовсе, к некоторым женщинам прижимались мелкие дети, тех захватчики даже не удосужились связывать. Пленных охраняли печенежские воины. Вместе с охраной стана Монзырев насчитал одиннадцать сторожевых. Лошадей поблизости видно не было.

Анатолий знаками подозвал парней. Отойдя в лес, разместились кругом.

– Докладывайте, кто что увидел.

– Насчитал двадцать семь копченых. Охрана в прямой видимости друг от друга, – сказал Андрей. – Правда, не понятно, почему они уделяют внимание внутреннему кругу и не смотрят по сторонам?

– Это-то понятно. Кого им бояться? За спиной мертвая деревня, основная орда ушла дальше, войск противника на сотню километров нет. Кого им сторожиться? В эту деревушку, судя по всему, будут сгоняться пленные со всей округи. Что еще?

– Лошадей нет. Значит, табун пасут отдельно. Думаю, что где-то недалеко отсюда. Насколько я помню из истории, степняк без лошади плохой воин. Предлагаю разведать, где выпас, и убрать пастухов. Табун по-тихому увести и заняться остальными, проводить «по холодку», – выдал свои умозаключения Горбыль.

– Остальных, считай, три десятка. Не многовато ли на четверых?

– Нормально, командир. По-тихому их всех не уничтожить, а по-громкому у нас есть калаш и ПМ. Справимся.

– Принято. Сейчас обходим деревню, ищем лошадей, а там посмотрим.

Табун обнаружился с противоположной стороны селища и совсем недалеко. Пасли его четверо кочевников, все оружны луками и изогнутыми мечами, одежда грязная, засаленная, кое-кому круглые щиты прикрывали спину. Один из них верхами объезжал пасущихся коней по дальней стороне пастбища. Трое что-то жарили на – костре. Ветром доносило запах жареного мяса. У голодных засадников стало подводить желудки. В кишках заиграл марш, рты у всех, как по команде, наполнились слюной, не смущало даже то, что вряд ли кто из поваров когда-либо мыл руки.

Андрей поближе подполз к Монзыреву, зашептал:

– Командир, как их брать будем? Тихо не возьмем, нашумим, считай, пропало.

– Пока наблюдаем. Может, что и изменится.

Весь квартет затаился в кустах. Невыносимо хотелось жрать. Терпели. Видимо, тоже проголодавшись, конный кочевник подъехал к костру. Он громко ругался. Слова, хорошо слышимые, произносились гортанно, рваными предложениями.

– Анатолий Николаевич, – бывший охранник подполз к майору, волнуясь, зашептал ему в самое ухо: – Я понимаю их язык. А ведь я ни одного иностранного языка не знаю. Даже по английскому в школе мне больше тройка не ставили.

– И о чем они говорят? – не отвлекаясь на непонятку, а больше думая о своем, спросил командир.

– Который на лошади у них старший. Говорит, что эти придурки сейчас барана сожгут. Советует, как лучше жарить. А вот тот ему отвечает, что не волнуйся де, мясо будет самое то. Ну, примерно так.

– Ага.

Печенег спрыгнул с лошади и ласково ударил ее по крупу, отгоняя к пасущемуся табуну. Особо не заботясь об эстетическом восприятии окружающими его действий, на три шага отошел от всей честной компании, лишь развернувшись спиной к соотечественникам, поковырявшись в шароварах, пустил струю, при этом поддерживая разговор.

– Слушай сюда. Толик, нас страхуешь из вон тех кустов, – указал пальцем. – Если пойдет что-то не так, стреляй из пистолета на поражение. В человека приходилось стрелять?

Охранник отрицательно мотнул головой. Майор чертыхнулся про себя.

«Блин горелый, понабирают детей в охрану!»

– Ты уж постарайся, не подведи. Но это крайний случай. Сашка, оставь калаш здесь. Сейчас втроем, сколько сможем, подползаем поближе и по команде берем в ножи. Уяснили?

– Да.

– Тогда выдвигаемся на исходную. Не забудьте, что под халатами может быть кольчуга. Удары наносить в лицо, шею, пах. Вперед!

По-пластунски, расходясь в высокой траве вправо-влево от Монзырева, выползли из кустов в направлении костра. Толик, дослав патрон в патронник, шмыгнул к кустам, аккуратно отклонил ветку, освобождая пространство перед собой, встал в положение для стрельбы с колена.

Спинным мозгом почувствовав, что скрытно дальше не продвинуться, Монзырев затих. Как на грех, лошадь недавнего верхового кочевника, щипавшая зелень неподалеку, почуяв приближение чужаков, косилась в их сторону, недовольно всхрапывала, отодвигаясь от возможной угрозы. В обеих руках майор сжимал по ножу. Сбалансированные боевые клинки двадцать первого века, покрытые защитным чернением, не бликовали на солнце. Чуть приподнявшись на кулаках, зыркнул по расположению своих. Готовы. Подтянув под себя ногу, оттолкнулся от земли, одновременно выкрикнул:

«Бей!!»

Свечой взлетел вперед, всаживая клинок в загривок сидевшего к нему спиной печенега, перерубая хрящевую ткань, отделяя друг от друга шейные позвонки. Оставив нож в ране, другой клинок он перебросил из левой руки в правую. Не отвлекаясь на боковых степняков, прыгнул через костер, через жарящегося барана, на «барана» в черном халате. Сузившиеся от неожиданности глаза при виде внезапно появившихся обидчиков в следующий момент расширились до состояния «а-ля удивленный европеец», полезли на лоб. Однако он тоже оказался профессионалом, пережившим не один набег на русов. Поняв, что сейчас ему настанет «кирдык», перекатом ушел в сторону, пятерней ухватив лежащий под рукой лук.

Носом, пропахав дистанцию в том месте, где должен был находиться противник, Монзырев кувырком ушел влево, боковым зрением отмечая сразу все, что происходит вокруг. Видел, как Андрей душит удавкой своего подопечного, а тот в последние минуты жизни сучит ногами по скользкой от росы и еще, может быть, от своих фекалий траве, как Сашка, заломив своего печенега, полоснул по горлу ножом, выпачкавшись чужой кровью. Увидел, как его копченый, скорее всего, почувствовав, большую опасность, пустил стрелу в сторону кустов. Потянул из колчана стрелу, да не удачно, не все стрелы уцелели от вынужденного переката, большего не успел, Монзырев, практически без замаха, отточенным до автоматизма на тренировках броском вогнал нож в яремную вену лучника.

«Аллес. Всем спасибо, все свободны. Даже запыхаться не успели».

Бой окончен. Поднялись на ноги. Осмотрелись по сторонам. Вроде бы шума не наделали, клиенты лежат, загорают. Их души уже отошли в край вечной охоты. Взволнованный голос Горбыля заставил вздрогнуть.

– Николаич, у нас «двухсотый».

– Ты что несешь, Сашка?

– Сам взгляни, вон Толик лежит.

Все разом они подошли к лежавшему на спине охраннику. Голова того была запрокинута. Синие глаза безжизненно уставились в небо. Из груди торчала стрела. По-видимому, во время боя Толик вышел из кустов и направил ствол на лучника, а тот воспринял это, как что-то очень опасное, пустил стрелу не в Монзырева, а в него.

– Вот и первая потеря.

Молча, постояли над павшим товарищем.

– Не расслабляться. Все только начинается. Андрей, заberi сбрую с волыной и отнеси Толю в тени. Если выживем, вернемся за ним. Сейчас по куску мяса зачифанам и «работаем» деревню.

В деревню просочились легко. Работали тройкой, страхуясь, перемещались от халупы к халупе. Первым – Монзырев, в замыкании – Горбыль. В войлочных шапках и черных халатах, издали их действительно можно было принять за печенегов.

Первого противника Монзырев увидел, приближаясь к центру деревни. Из дверного проема показалась спина, послышался недовольный, невнятный бубнеж. Человек пытался вынести связанное в узел чье-то добро, которое, застряв объемным баулом, не хотело пролезать в дверь. Замаявшись, кочевник просунул свое тело наружу, с усилием дергал баул и громко ругался на непонятном языке. Недолго думая, Монзырев всадил клинок ножа под левую лопатку бандита и рывком за ворот вырвал его на улицу вместе с узлом награбленного добра.

– Минус один.

Переступив через труп, нагнув голову, вошел в потемки крестьянского жилища. Ориентировался больше на звук. Комната в хате была одна, окно затянуто бычьим пузырем, практически не пропускавшим свет. Пошел на возню, слышавшуюся из-за печи, и, признав в очертаниях копошащегося противника, слегка толкнул его в спину. Как только тот, разогнувшись, обернулся к нему, замахом наискось, снизу вверх резанул по шее.

– Минус два.

Так, передвигаясь вдоль улицы мертвой деревни, они «положили» шестнадцать человек. Печенеги, занимавшиеся своим любимым делом, все внимание направляли на грабеж и умирали быстрее, чем понимали, откуда пришла смерть.

– В деревне все. Пора выходить к печенежскому лагерю, не то поймут, что люди исчезли, поднимают хай, – заметил Андрей.

– Парни, ни один шакал не должен уйти. По моим подсчетам, их осталось одиннадцать-тринадцать человек, так что работаем с огоньком. Сашка, ты сверху частокола ссаживаешь тех, кто попытается стрелять из луков. Андрюха, ты от ворот стреляешь в тех, кто попытается сбежать, такие тоже будут. Я – вольным стрелком. Рассредоточились, начинаю я. Работаем.

Монзырев схватил в руки узел, лежавший неподалеку, взвалил на спину и направился в сторону повозок. – Пройдя через открытые створы ворот, оперативно подмечал, что, где происходит. На одной из повозок его поджидал приемщик барахла. Прикрыв узлом лицо, сунулся к нему и, подавая узел навстречу протянутым рукам, будто не удержав, уронил его к своим ногам, при этом схватил и дернул тянувшиеся к баулу руки вниз к земле. Падая, бандит ойкнул, раскорячился у колеса. Добил ножом.

Все сразу завертелось. Послышались скупые автоматные выстрелы на два-три патрона, более сухие выстрелы из ПМ. Монзырев увидел на ходу стреляющего Андрея, бегущего в сторону полона. Отметил страх и непонимание происходящего пришедшей в движение толпы связанных славян. Заголосили женщины и дети, мужчины пытались прикрыть их или прикриты сами. Увидел печенегов, испугавшихся буханья современного оружия, умирающих, пытающихся уползти с линии огня, отползти неизвестно куда. Услышал стоны, крики. В общем, карусель вертелась привычным порядком.

Бойня закончилась быстро. Пленники, сбившись в кучу, затравленно смотрели на приближающихся к ним людей, одетых в печенежскую одежду, но так быстро и ловко расправившихся с людокрадами.

Офицеры на ходу стали сбрасывать с себя одежду врага. Мимо Монзырева, под адреналиновым градусом, пробежал Сашка:

– Командир, ох...еть! Эти пид...сы даже вякнуть не успели.

Анатолий не пытался отвечать. Глянул на стоявшую против него уже молчавшую толпу.

– Спокойно, граждане! – и почувствовал, что его совсем не понимают, хоть уже знал от волхва, что при переходе все попаданцы получили знание местного диалекта и лялякали на нем, как на родном языке, лишь иногда вставляя словеса из прежней жизни. – Мы свои, пришли к вам на вырубку. Нас Вестимир прислал.

Не совсем понимая, о чем речь, толпа уловила одно, что волхв прислал помощь.

– Сейчас вас освободят, и мы решим, что делать дальше. Я отойду к вежам. Всем мужчинам подойти туда, будем думу думать.

3

Если бы кто сказал Галине раньше, что вся жизнь в один миг может измениться бесповоротно, безжалостно лишив ее всего, к чему она привыкла, что любила, да, и чего греха таить, не слишком ценила, она бы не поверила. Но теперь это было именно так.

Наступившее утро встретило всех в виде старика волхва Вестимира, представшего перед заспанными лицами, в белой длинной полотняной рубахе, подпоясанной тонким расшитым поясом, и портах, в руках державшего деревянный посох.

– Вставайте, детушки. Работа нас ждет сегодня нелегкая да скорбная. Умывайтесь, ешьте, пойдем краду строить.

– А что такое крада, дедушка? – спросила девчушка с белокурыми косичками, растрепавшимися после сна.

– Прощальная ладья. Родичей провожать будем к дедам нашим.

Вестимир еще вчера угадал, кто способен верховодить в этом коллективе. Обратился к Галине:

– Второго дня Ярилин день был, седни день Мокоши, хороший день, чтобы проводить родовичей в Ирий. Я пойду, а ты, Галина, приводи всех по тропке к веси. Ждать вас там буду.

Дрова выносили из дубравы. Приходилось преодолевать три сотни метров до размеченного контура погребальной лодки, довольно-таки большой, Галина прикинула, метров пятнадцать в длину и шесть в ширину. Дрова дубовые укладывали по всей площади. Внутри, на дрова, наложили охапки соломы и ветки, на все это – березовые поленья, а дальше снова повторяли расклад. Несмотря на возраст коллектива работников, к обеду ладья выросла вверх, выше Галиного роста.

– Так почему эту ладью называют «крада»? – задала вопрос волхву.

Глянув на нее, жрец объяснил:

– Крада – это особый костер, крадущий из нашего мира, в средний мир все то, что на него положено. Так, мы хороним людей умерших.

После обеда стали сносить и укладывать в ладью погибших. Первое чувство, которое испытала Галина, да и остальные тоже, было чувство противления происходящему. Никто из них, никогда не видел столько покойников, а ведь их еще требовалось перенести. Перетаскивая покойников своими слабенькими ручонками, девочки плакали. Мальчишки крепились, пытались показать, что мужчины не плачут, но слезы нет-нет, да и появлялись на щеках.

Людам двадцать первого века не принять случившегося в этой деревне. Если нет войны там, где они живут, как можно воспринять сотню обезображенных трупов, да еще прикасаться к ним руками. Среди покойников чаще всего попадались старики и дети, но были и люди среднего возраста. Печенег не пожалели деревню, вычистили ее от нажитого добра и людей, живших в ней.

Вечерело. Со стороны дороги послышалось конское ржание, скрип телег, приглушенный расстоянием, людской гомон. Все настороженно, прекратив работать, повернули лица в направлении звуков. Из-за излучины реки появились телеги, запряженные лошадьми. Рядом с телегами, в которых ехали дети, шли люди, мужчины и женщины. Первым, ведя лошадь под уздцы, шествовал Монзырев. Он направил движение «табора» прямоком к краде. Дети и девушки, увидев его, восторженно закричали и все разом бросились навстречу. Подбежав, попытались вцепиться в него, обнять, выразить ему свою радость, лишь за то, что он пришел, за то, что не бросил, не погиб, за то, что он есть у них.

«Ну, как отца родного встречают», – пришла в голову Монзырева радостная мысль.

– Ну, все-все. Задушите. Идите лучше Андрюху и Сашку тискайте.

Он повел обоз дальше к краде, к одиноко ожидавшему волхву.

– Вот, Вестимир, я привел живых. А в обозе, в телегах – мертвые. Мы не смогли их бросить, а захоронить не получилось.

– Я ждал тебя, – и обратился к родичам. – Родовичи! Слушайте меня. Чтобы проводить погибших за кромку, отроки сложили краду. Диды наши заждались умерших родовичей. Несите в лодью погибших из телег. И поставьте поминальную еду в ногах усопших.

К Толику подбежала Галина. Ее лицо выражало крайнюю озабоченность, даже на лбу проявлялся знак вопроса.

– Анатолий Николаевич, а где Толик?

– Нет больше Толика, Галочка. Если есть желание, можешь на его тело взглянуть. На крайней телеге он.

Галка прикрыла ладонью рот, будто хотела удержать готовый вырваться крик отчаяния. Рухнул последний мосток между ее прошлой жизнью и случившейся реальностью. Крупные слезы побежали по щекам.

Краду накрыли широкой полосой белой домотканой холстины. Телеги отвели в сторону, собрались у погребальной ладьи.

Волхв вышел перед кривичами. Славяне, затихнув, ждали, о чем он скажет.

– Родовичи и соседи наши, из других весей. Мы провожаем умерших. Скоро встретятся они с предками в чертогах другого мира, в царстве Мары. Отправляет ладью в путь, по законам нашим, старейшина, боярин родовой или жрец. Вы все знаете это. Сейчас, когда скоро закат солнца и родовичи наши, «видя» свет, пойдут за «уходящим» светилом. Я хочу сказать вам. Старейшин наших убили проклятые людокрады. Боярин Слуд погиб, защищая весь. Я хочу, чтобы в путь отправил погибших человек одной с нами крови, тот, благодаря которому вы здесь, вы живы, вы свободны. В видениях Диды из-за кромки поведали мне, что отныне он будет родовым боярином. Он не даст прерваться роду, пока горячая кровь течет по жилам его.

Толпа загудела, раздалась возгласы: «Пусть будет! Будет так!»

Вестимиру подали горящий факел. Народ чуть отступил и раздвинулся, оставляя как бы наособицу стоявшего в раздумье Монзырева. Две женщины подошли к нему и ненавязчиво стащили с него пропотевшую куртку и тельник, оставив стоять с голым торсом. Волхв, приблизившись, протянул факел.

– Возьми, боярин. Пришла пора родовичам нашим отправляться в чертоги Сварога.

Монзырев машинально взял горевший факел.

– Запомни, поджигать краду будешь обязательно стоя спиной к ней.

– Почему?

– Ну, скажем, ритуал такой.

Монзырев подошел к погребальной ладье, присматриваясь, в каких местах будет прикасаться огнем. Повернувшись грудью к народу, он пошел вдоль ладьи, поджигая, выступающую из дров солому. Отойдя на три шага от крады, бросил через голову факел внутрь. Ему тут же подали еще три факела, с которыми он поступил так же.

Все отошли от кострища, огонь разгорался все сильнее и ярче. Громким голосом жрец читал отходную молитву, ему вторили многие люди:

Се сва оне ыде
А туже отряще одьверзеце ши врата они.
А вейдеши они – то бое се красен Ирий,
А тамо Ра – река – тенце,
Якова оделяшешеть Сварьгу до Яве.

Монзырев, прислушивался к словам и, глядя на это действие, отчетливо осознал, что на плечи ему в один миг возложили судьбы многих людей, которых он не знал до сего дня.

А волхв вещал, прибавляя металл в голосе:

– Иножде бог Дид – Дуб – Сноп наш...

Огонь не просто горел, он бушевал. Волхв закончил молитву. Наступила мертвая тишина. Вдруг к небу поднялся огромный столб пламени, а над головой присутствующих пролетела стайка жаворонков – боги подали знак. Умершие поднялись в чертоги Сварги.

Волхв умиротворенным голосом обратился к народу:

– Боярин предлагает войти в весь, поставить столы, и накрыть едой, какой сможете. Ответим поминальной стравы.

Два дня, с утра до вечера, Монзырев с офицерами и волхвом занимались хозяйственными делами. Расселяли людей, наделяли отобранным у кочевников скотом, распределяли имущество с телег, закрепляли земельные наделы за теми, кто раньше жил в других деревнях. Всего было освобождено триста шестьдесят два человека: девяносто семь мужчин, двести сорок одна женщина и сорок четыре ребенка разного возраста. За эти два дня в долину, где раскинулась весь, из лесов вышло еще сотни три народу разного пола и возраста. Обездоленные, лишившиеся крова и семей, они сбредались в весь в надежде найти пристанище среди людей одной крови.

Табун, отбитый у печенегов, отправили на выпас в глубь территории принадлежавшей верви, деревенской общины. Назначены пастухи. В стороны от деревни были выставлены пикеты, для того чтобы вовремя предупредить людей, если кочевники будут возвращаться по старому пути. На все захваченное оружие Монзырев наложил «лапу», решив разобраться с ним позже.

Вымотавшись за два дня, Толик назначил банный день и подведение итогов случившегося с ними в этом времени.

В деревенской бане парились сначала мужчины и дети мужского пола, после них девушки. Ни о каком мыле и современных моющих средствах не могло быть и речи. Березовые веники, зола и щелок заменяли их. Парились остервенело, но с удовольствием, ощущая, как с чистотой тела приходит хорошее настроение. Обмывшись, вышли из парной, обнаружили, что на двух столах, поставленных у бани, приготовлена чистая льняная одежда и кожаная обувь для всех. Вестимир объяснил, как одеть и носить одежду древних русичей.

После того, как Монзырев надел порты, широкую рубаху с вышивкой красными нитками по вороту и рукавам, обулся в высокие кожаные сапоги-череvy, Вестимир подошел к нему и повесил на шею витой серебряный круг.

– Зачем?

– Это гривна, у нас символ боярской власти над родовой вервью – общиной, имеющей свою родовую территорию. Теперь ты – хозяин верви и всех деревень кривичей в округе.

– Хорошо. Вестимир собери у меня в юрте назначенных вчера десятников.

Рядом со священной дубравой, у тропы, ведущей на капище, были поставлены юрты, отнятые у кочевников. В одной разместились мужчины, в другой – женская половина населения попаданцев. Вот в мужской юрте и собралась новая старшина общины, туда же были приглашены и студентки. Взрослые мужи кривичей косились на молодых девок, но вслух недовольства их присутствием на сходе не высказал никто.

– Я собрал вас сегодня на серьезный разговор, от которого будет зависеть, как строить нашу жизнь в дальнейшем. Из разговоров с уважаемым жрецом у меня появилось суждение о политике, проводимой в государстве. Если я в чем-то не прав, поправьте меня, уважаемые.

Старшины согласно закивали в ответ.

– Итак, я продолжу. Государство живет по законам «Русской Правды». Делится на княжества. Главный князь, на данный момент, Святослав Игоревич. Я прав?

Вестимир кивнул:

– Позволь добавить, боярин? На дворе ныне 6471 год от сотворения мира. Государем на всех землях Киевской Руси – великий князь Святослав.

– Благодарю, я продолжаю. Основное население страны – свободные общинники – людины. Вторая большая группа населения – смерды. Это несвободные или полусвободные данники, не имеющие права оставлять свое имущество наследникам. Так?

– Да.

– И, наконец, третья группа – рабы, челядь, полностью бесправны. Теперь обрисую ситуацию в нашей верви. После нападения печенегов здесь собрались воедино четыре общины, слившиеся в одну. Это правильно. По-другому нам не выжить сейчас. Помощи нам ждать не от кого. Мы пограничная весь, по одну сторону Русь, по другую – за речкой Дикое поле, где живут кочевые племена, мечтающие разбогатеть за чужой счет.

Все с интересом слушали Монзырева. Окинув взглядом присутствующих, он понял, что некоторые из них никогда не задумывались над тем, о чем он говорил. Жили себе, и жили. Хлеб сеяли, приходило время – убрали его. В лесах охотились. При набегах степняков небольшие дружины ратились с ними, тогда как смерды отсиживались в лесах, благо дело лесной массив в это время представлял собой непроходимый для конного воина бурелом. Это потом, ближе к веку двадцатому, реки обмелеют, а сами леса на юге Украины и России превратятся в лесопарковую зону, где на один гриб нападают два десятка грибников, да и популяции зверья уменьшатся в десяток раз. Однако работать приходится с тем контингентом, который наличествует, другого нет и не будет.

– Задача нашей общины – прикрыть границу на нашем направлении, в нашей полосе проживания. Задача нелегкая на данное время. Почему? Объясняю. Крепостных сооружений нет – требуется построить крепость. Воинов, умеющих воевать, как таковых нет – требуется создать боевое подразделение, обучить его. Оно должно быть способно отбить набег и по возможности не погибнуть.

Присутствующие загудели, попытались войти в полемику.

– Прекратить галдеж. Я вам еще предоставляю слово. А сейчас слушайте меня и делайте выводы. Так, вот прибавьте к сказанному – бедность общины. Оторванность от центра – от главного города княжества. Плюс ко всему, нет связей с соседями. И наконец, последнее, тати, промышляющие на наших дорогах. Вот и выходит, что мы в глубокой, круглой дыре, в простонародье именуемой жопой. Если, я не прав, объясните мне, убогому, в чем?

Народ задумчиво молчал, переваривая сказанное. Все знали, что плохо, но чтобы настолько – задумались впервые.

– Вы хотели боярина, теперь он есть у вас, только донесите до каждого человека в деревне – жить здесь станет веселей, но покоя ни у кого не будет. И не стонать.

– Боярин, не страми. Мы люди крепкие – выдюжим, – отозвался один из десятников.

– А коли выдюжите, то будем распределять не только права, но и обязанности. Горбыль.

– Я.

– Отберешь десять человек помоложе. Готовь отделение разведки по принципу разведчиков-диверсантов, обязательно с курсом молодого бойца. На все про все тебе один год. Бери людей с учетом того, что к тебе будут направляться еще рекруты. По численности подразделение доведешь до сорока человек.

– Ясно.

– Вестимир, я конечно понимаю, что ты духовный руководитель нашего клана, так сказать, но ко всему к этому, из сложившихся обстоятельств, тебе придется заняться связями с ближайшими соседями. Наладить контакт. Может быть, окажут помощь нам или мы им при

необходимости. Особое внимание обратить на совместные действия по устранению разбойной братии на наших территориях. Ну, и должность первого советника с тебя не снимается.

– Буду помогать, чем смогу. Боярин, прошу дозволения выбрать ученика себе из отроков, пришедших с тобой. На земле мы не вечны.

– Выбирай, учеба еще никому не вредила. Так вот, относительно учебы. Нам требуется преподаватель по боевой подготовке.

Никто из десятников не понял, о чем это сказал боярин. Монзырев осознал это.

– Я говорю о том, что нам нужен профессиональный боец, способный обучить владению холодным оружием мужчин в нашем поселении.

– Да, где ж его взять, боярин? Здесь нужен варяг. Варяг продаст свой меч, но стоит это дорого, – сказал десятник по имени Первак.

– Значит, будем покупать варяжский меч. Нам нужны воины. Тот, кто не умеет владеть мечом – кандидат в покойники или рабы. Такого нам допустить нельзя. Теперь относительно экономики общины. Галина, экономика на тебе. Осмотрись, побеседуй с сельчанами, Вестимиром, составь бизнес-план. Обсудим его. Вестимир, я хочу посмотреть, что у нас осталось из денежных активов – Слуда.

– Я понял, покажу.

– Андрюха, готовься к командировке. Куда ехать – объясню. И, последнее, будьте готовы к тому, что в общину придут новые люди и этих людей мы примем как родных. Без людей община не выстоит. Если вопросов нет, сегодня отдых, с завтрашнего дня – начинаем новую жизнь.

– Пусть в начинаниях наших поможет нам Стрибог – Род – Святovit. Боярин, надо принести жертву богам, попросить их о добром разрешении наших проблем.

– Что ж, волхв, согласен я. Помощь богов лишней не будет.

Войдя в дубраву, колонной двинулись за волхвом. Вечерело, но лучи солнца еще хорошо просвечивали через зеленые шапки вековых дубов. Каждый шел к богам со своими мыслями. Поскидав с голов шапки, на ком они были, все вошли в ворота. Монзырев был уже здесь не раз, но теперь пытался угадать в идолах, кто есть кто. Словно поняв его мысли, Вестимир, как экскурсовод, стал объяснять:

– В центре стоит Сварог, «Небесный» первенствующий бог, Божество неба и Вселенной, «Бог-отец» с семейством. От него все племена славянские род свой ведут, выходит так, что корень у нас общий, а то, что склоки меж нами случаются, так в семьях тоже спор бывает. И кто б ни был ты, кривич или словен, северянин или радимич, любой из нас право имеет звать себя внуком божьим. Речемся все сварожичами.

Монзырев окинул взглядом столб толщиной в два обхвата и метров пяти в высоту, который подвергся обработке деревенским умельцем. Неизвестный художник постарался придать лицу истукана человеческие черты в обрамлении бороды и бровей. У столба пониже, стоящего с правой стороны, в чертах лица просматривалось что-то женское. За ними находились два кола, метра три высотой, грубо отесанных, с небрежно вырубленными бородами и глазами. Справа и слева от четы божеств, гораздо ниже по высоте, стояли другие небесные покровители славян. Тот же умелец, судя по всему, не очень-то старался придать им детальное сходство с человеком. На почерневшем от времени дереве просматривались глаза, рты, бороды.

– Триглава – богиня Земли. Белбог – хранитель добра и справедливости. Велес – скотий бог. Дажьбог – бог природы. Мокошь – мать плодородия. Лада – богиня любви. У входа Перун воитель, повелитель грома.

– А, вон тот, что стоит в отдалении от других?

– Это прекрасная Мара – та, что проводит ушедших через Калинов мост – богиня смерти.

Попаданцы с интересом слушали и смотрели на истуканов. Местные жители пошли вдоль божков, ставя перед каждым, начиная со Сварога, глиняные плашки и из баклагаливая каж-

дому какой-то пряный напиток, раскладывая выделанные шкурки животных. Кто-то положил несколько монет. Монзырев, подумав, снял с запястья «командирские» часы, положил перед Сварогом, заметил, как Галина опустила снятую с шеи золотую цепочку перед истуканом Лады, при этом украдкой глянула на Монзырева.

«Женщина, она женщина и есть», – отметил про себя Монзырев. Кинул взгляд на Ищенко. И смех, и грех, тому после всех путешествий по времени и землям славян, судя по всему, было по барабану отношение людей к своим богам. Он просто рассматривал капище, как осматривал бы экспонаты в музее. Интерес был – почтения нет.

«Сразу видно, в войнах не участвовал, друзей не терял. Хлебнем мы с ним, пока не поймет, каково это кровью харкать».

– Примите благодарность от нас, мы внуки Сварожьи, просим вас помочь с делами нашими. Не оставьте своими милостями.

Выразив благодарность и озвучив свои просьбы, люди потянулись к выходу из капища. Монзырев, остановившись, тронул за плечо волхва. Вестимир обернулся к нему.

– Послушай, Вестимир, давно хотел задать тебе один вопрос.

– Спрашивай.

– Наш погибший товарищ, перед тем как принять последний бой, сказал, что он понимает язык печенегов. Почему это произошло?

– Помнишь, Анатолий Николаевич, то место у перехода, где вы прошли мембрану?

– Ну да, хорошо помню.

– Закрученные в узлы деревья, плохое самочувствие у людей, непонятно откуда взявшееся волнение, ощущение тяжести. Сейчас я могу сказать. При переходе не все могли уцелеть, кто-нибудь мог и погибнуть. Человека могло скрутить в узел, раздавить, разорвать. Это счастье, что все выжили. Так вот, при переходе каждый из вас приобрел какой-то дар, дар перехода.

– Что за дар? Я ничего не чувствую.

– Если ты не чувствуешь, это не значит, что ты его не получил. Он просто пока не проявился у тебя. Сегодня я попросил ученика для себя. Так вот, я выбрал. Это Вячеслав, черноглазый мелкий мальчишка, он еще слегка картавит. Этот мальчик уже почувствовал в себе этот дар, боится его.

– И что же с ним не так?

– Он читает мысли собеседника и, причем, на каком бы языке тот ни говорил, он будет знать, о чем он думает. Я воспитаю из него для себя замену.

– Очень хорошее качество. Но и позавидовать ему нельзя.

– Поэтому его надо успокоить, направлять и учить.

– Понятно. Значит, надо ожидать неожиданностей и от других.

– Непременно.

Стемнело, жрец проводил Анатолия до ворот и на прощание сказал:

– Боярин, а тебе необходимо поменять имя. Нет у русичей и скандинавов имени Анатолий.

– Об этом я подумаю завтра.

4

Лучи утреннего солнца ворвались через оконное стекло в комнату, прямоком упали на лицо. Андрюха, дернувшись, открыл глаза. Полежав немного, блаженно потянулся всем телом. Из открытой форточки в комнату поступала приятная прохлада. Пошарив рукой по тумбочке, стоявшей сбоку от кровати, наткнулся на телефон. Поднес его к глазам, нажал кнопку.

– Естественная сила, – заорал он, сбрасывая одеяло на сторону и пружиной выскакивая из кровати, при этом говоря сам себе, будто стороннему собеседнику: – Через сорок минут построение. Опоздаю, опять Владимировичу за меня достанется, – мечась по своему холостяцкому жилищу, он в темпе напяливал на себя камуфлю, впихнулся в берцы, завязывая их практически на ходу.

«Вчера, кажется, не поздно разошлись, да и выпили совсем чуть-чуть. Проспал и будильник не звенел», – уже мысленно рассуждал он.

Прыгая по лестнице через ступеньку, промчался мимо дежурной по общежитию, на ходу крикнул:

– Здрасьте, тетя Зин.

Дежурная по этажу, Зинаида Ивановна, полная дама бальзаковского возраста, с интересом наблюдала поверх очков, как Андрей сверху вниз штурмовал лестницу, словно полосу препятствий. На стук закрывающейся за ним входной двери, с опозданием произнесла:

– Здравствуй, Андрюша.

Пробежав мимо комендатуры, служившей сразу и кабинетом коменданта гарнизона, и бюро пропусков, и проходной КПП жилого городка, отмахнулся правой рукой в ответ на воинское приветствие дневального, стоявшего у турникета. Подбежав к своей «девятке», поковырявшись в дверном замке ключом, открыл дверь, уселся в машину. Минуты неумолимо уходили. Рванув с места, помчался вдоль бетонного забора городка, замечая на ходу, как впереди, через серую глыбу бетона, на дорогу спикировал друган Леха.

Леха – женатик, живущий в пятнадцатом доме, с кем они вчера горланили песни под гитару. Приземлившись в позе орла на гнезде, скривил лицо, будто глотнул несвежей водки, однако сразу же губы на его лице расплзлись в улыбке.

«Если опоздал, то не один. А в компании звездюлей от „командующего“ получать легче».

Крут был Александр Васильевич, но отходчив, за это, в общем-то, и отношение к его недостаткам у народа было позитивным, то ли дело первый зам, подполковник Дьяконов, уж тот, если вставит пистон, так потом неделю, считай, «задница болит». А так как Андрюха по натуре своей был раззвездяй, то соответственно за время совместной службы и «пятая точка» у него была развальцована шире плеч. Временами, когда его молодой организм, естественно в нерабочее время, подвергался перегрузке алкогольной продукции, в воспаленном мозгу созревали мысли.

«Купить метров пять белого полотна, написать на нем большими синими буквами „МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ!!!“ и по-тихому повесить над входом в штаб. Чтоб на утреннем построении все полюбовались на чье-то художество. Произведение армейского зодчества, естественно, немедленно бы сняли. А вот на следующее утро фразу изменить – „ПЕТРОВИЧ, МЫ ВСЕ РАВНО ЛЮБИМ ТЕБЯ“, вряд ли дежурная служба додумается, что ночью кто-то повторит финт ушами. Для третьей ночи у Андрюхи тоже было заготовлено послание: „ПЕТРОВИЧ, НУ ТЫ ПОНЯЛ ДА!..“, авось не поймают».

Резко «ударив» по тормозам, высунулся в открытое окно «жигуленка», громко выдал:

– Садись быстрее, опаздываем.

– Я, кажется, ногу подвернул.

– Ты б еще между ног у себя подвернул. Садись, давай.

Как ни торопились, на службу добрались только к команде:

– По рабочим местам разойдись.

На плацу стоял Сергей Владимирович, Андрюхин начальник. Подполковник, человек в возрасте, до дембеля которому оставалось полшага. В подразделение к нему Андрей попал год назад. Год назад командир вызвал подполковника Семибратова к себе в кабинет и предложил взять в подчинение лейтенанта, с училищной характеристикой которого в тюрьму не примут. Тот подумал и взял. И вот уже целый год ненавязчиво вдалбливал в его симпатичную, но безбашенную голову, «что такое хорошо, а что такое плохо». Получалось. Недавно, на одном из «мероприятий» командир даже высказался, что на данный момент на Андрюху уже можно писать характеристику, по которой в тюрьму примут без вопросов.

– Андрей, хорошо, что пришел почти вовремя.

– Извините, Сергей Владимирович, будильник не зазвонил. Опоздал на десять минут всего.

– Нет-нет, не опоздал, а задержался. Начальник не опаздывает, начальник может только задержаться, Андрей Владимирович.

– А...

– А так как не опоздал, задержался, назначаешься сегодня начальником. Короче, идешь в роту, берешь там троих солдат, спускаетесь в подвал и устраняете с ними неисправность.

– А что за неисправность.

– Да наши «доблестные» воины решили в сортире засор пробить. Не придумали ничего лучше, как взять в руки лом. А трубы-то пластиковые. Вот и потребовался руководитель.

– Так это мне что, в говне ковыряться придется?

– Андрей, что за выражение? Не говно, а фекальные отложения.

– Вот ведь правду говорят умудренные опытом: «Куда солдата не целуй, всюду жопа»! – следуя по указанному маршруту, воскликнул Андрей.

– Иногда я тоже так думаю по твоему поводу, – улыбнулся подчиненному в спину Семибратов.

Андрей, подсвечивая дорогу мощным фонарем, пробирался по неосвещенному подвалу, следом сопела ремонтная бригада. Здание не видело ремонта лет двадцать, как раз с того времени, когда было построено. Спотыкаясь и натываясь на несущие перегородки, идя на запах, за лучом фонаря, лицом коснулся невидимой паутины. Инстинктивно подался в сторону, не удержал выпавший из рук фонарь.

– Темно как у негра... Да подсветите кто-нибудь.

– Чего сказал, сотник? Али приснилось чего?

Андрей пришел в себя после сна, озираясь в потемках. Действительность оказалась банальной. Он полулежал на одной из телег, выстроенных кольцом и привязанных друг к другу. Внутри кольца сидело двое русичей, в глубине поляны за обозом просматривались силуэты лошадей, слышалось пофыркивание, там ночевал конский табун. С наружной стороны повозок увидел выставленную неспящую охрану.

– Ну что за бл...во, а так все хорошо начиналось. Иди в подвал. Убери говно. Тьфу! Вот ведь приснится.

К нему подошел Радомир, считай один из соплеменников, выставленный в ночной дозор.

– Что сказал, сотник Андрей?

– Я спрашиваю, все ли тихо?

– Да, слава богам, все спокойно. Ты бы поспал еще. Седни опять весь день в седле проведешь.

– Поспишь тут, как же. Не дай бог опять по подвалам шариться придется, – прошептал Андрей.

В дороге они четвертый день. Сама дорога, уходя от деревни, начиналась с узкой тропы, погружаясь в смешанный лес. Песчаная почва южных территорий Руси и лес делала светлым, не было того бурелома, каковой бывает в лесах Подмосковья и Ленинградской области, на пути не встретишь заболоченных торфяных полян. Слух ласкает щебет птиц. Хорошо!

К вечеру узкая дорога соединилась с дорогой, раза в три шире прежней. Вот по ней на северо-восток и вел торговый караван с приданным ему табуном новоявленный сотник. Вел в город Курск. Задачи, поставленные перед Андреем и его помощником Боривоем, имеющим опыт в торговых делах мужиком, лет тридцати пяти отроду, Монзырев определил. С купцами хотела поехать Галина, но Анатолий Николаевич запретил – по нынешним временам, не бабье дело. Требовалось наработать опыт общения с центром, как сказал он, посетить Курск, потом Чернигов, столицу Черниговского княжества. Наладить связи. Говоря языком двадцать первого века, если получится, попытаться открыть торговый центр в одном из городов.

Пять телег, нагруженных товарами «народного потребления», и пятьдесят голов лошадей, судя по их виду, совершенно беспородных, но шустрых и прожорливых, – позволяли пройти в день километров тридцать пять. Отряд составлял десять человек.

Впереди, как и положено командиру, скакал Андрей на «лихом» коне, одетый по последней моде десятого века, правда, с элементами военной атрибутики двадцать первого. На брюки от армейского камуфляжа были натянуты сапоги-черевы с высокими халявами. На вышитую рубаху вместо стеганого подклада, по причине летней погоды, Андрей напялил армейскую же куртку, но так как поверх нее теперь глухо позвякивала мелким звеном железная «рубашка», по длине доходившая до середины бедра, то от камуфлированной куртки были видны только рукава, потому как рукава самой кольчужки спускались только до локтей. На офицерский ремень, застегнутый поверх кольчуги, подвешен меч с рукоятью, обложенной рогом, закрепленным бронзой, он покоился в деревянных ножнах, обтянутых кожей. Слева висел нож, за спину под ремень Андрей всунул боевой славянский топор с небольшой оттянутой вниз бородкой лезвия. Экипировку витязя дополнял круглый щит с медным умбоном, притороченный к седлу с висящим на нем островерхим шлемом с наносником. На груди поблескивала гривна, подчеркивающая высокий социальный статус воина. Растительность на лице, появившаяся за время присутствия в этом мире, была сбрита, остались только светлые усы, успевшие слегка отрасти. Жреца Вестимира можно смело было объявлять первым стилистом Древней Руси, перекроившего человека из одного образа в другой.

Остальных русичей, сопровождавших караван, начальство только вооружило, заинструктировав их о мерах безопасности и поведении на дорогах и в городе до зубовного скрежета.

Застоявшиеся лошади исправно тянули повозки. Утро, незаметно перешедшее в день, было жаркое, но деревья, тянувшиеся рядом с дорогой, создавали прохладный покров, не позволяющий возницам совсем разомлеть. Иногда они соскакивали с повозок для того, чтобы размять затекшие ноги, иногда помочь лошадям преодолеть крутой подъем па рыхлом грунте, подтолкнуть повозки.

К Андрею, прыгнув с телеги на дорожную обочину, подбежал Боривой.

– Сотник.

– Чего тебе, Боря?

– Слышь, сотник, – мужик, скосив глаза в зелень зарослей, тревожно прислушивался к окружающим звукам. – Не слышно щебета птичьего. Заметил?

– Нет.

– Вот я и говорю. Необычно это. День-то, какой солнечный, а пичуг не слышать. Не к добру это.

– Понял тебя. Распорядись по колонне брони вздеть. И пусть оружие держат поближе. Если что, издали сначала стрелами сечь, а уж потом в ближнем бою за мечи и топоры хвататься.

Сам он надел на голову шлем, застегнув кожаную лямку под подбородком и опустив наносник, соскочил с коня, воевать конным Андрей не умел вовсе. В левую руку взял щит. Скорость движения колонны снизилась. Таким темпом они передвигались еще какое-то время, сторожко осматриваясь по сторонам.

Как морально ни готов был Андрей к неожиданному нападению, но все же, хруст ломаемого дерева привел его в легкий ступор. Ствол огромной сосны перегородил лесную дорогу, с тяжелым вздохом упав с левой стороны обочины. Тут же на дорогу полезли вооруженные разномастным оружием люди, судя по лицам и одежде, тоже представители славянской национальности. Лихие люди, охочие до чужого добра, с боевыми криками бросились на походников. Командовать кем-либо было бесполезно в этой кутерьме, требовалось только одно – защищаться и убивать, погибнуть, если придется. Андрей метнулся к ближайшей телеге, возле препятствия было легче защищаться, чем на открытом, на все четыре стороны, месте. С телег слышались щелчки, это кривичи пустили в дело луки со стрелами. Подбежали первые разбойники, и Андрей принял бой.

Сразу несколько татей бросилось на него, пытаясь взять в топоры, погромсать мечами. Приняв удары сразу двух топоров на заскрипевший при этом щит и, почувствовав плечом силу ударов, он оттолкнул нападавших и, отодвинувшись слегка в сторону, срубил мечом руку зарвавшегося в своей наглости и настырности, воняющего псиной аборигена. Развернувшись, подставил меч под рукоять топора, ударил носком сапога в коленку очередного напавшего, услышал, бодрящий душу рев, предвещающий атаку сразу с обеих сторон. Ушел перекатом головой вперед, в доли секунды разминувшись со столкнувшимися между собой висельниками деревенского вида. Развернулся к ним грудью, заставил их при нападении на него, своими действиями и неслаженностью, мешать друг другу. Опять принял удары на щит, отмахнулся мечом, прошелся им по свалке нападающих, разрубив при этом кому-то лицо. Осколки черепа, сгустки мозга и крови брызнули на лицо и грудь. Стереть с лица отвратные влажные комочки, по его ощущениям, теплые и вонючие, не было времени. Пошел в наступление, рубя мечом нападающих и долбя щитом противников с левой стороны. Тати набросились как свора собак на медведя. Щит трещал под ударами. Мысли в голове отсутствовали. Кто-то с телеги ударил его в спину, но кольчуга смягчила удар. От приданного ударом ускорения снова перекатился через голову, едва успел развернуться к набегаящим врагам. Подставил щит. В длинном выпаде пробил грудную клетку заросшего гориллоподобного мужика. На обратном движении меч снес кому-то голову.

Драчка шла по всей колонне. Андрюхины мужички, сойдясь к крайней телеге, оборонялись вчетвером, кольцо разбойников вокруг них сжималось. Один из них, стоя на уложенной рухляди, всаживал стрелы в нападающих. Из леса уже никто не появлялся. Бой шел и в стороне сбившихся в кучу лошадей. Из кишки лесной дороги выход был только один – выжить.

Андрей внезапно почувствовал перемены в себе. Произошло то, во что бы он никогда не поверил. Внезапно увеличился его темп восприятия боя. Нападавшие действовали так, словно барахтались в киселе, движения их замедлились, и Андрей, обходя их замахи и попытки ударов, на невероятно большой скорости скользил между ними, срубая конечности и головы, будто манекенам. Он отбросил щит, в левую руку схватил нож, стал полосовать им по шеям и лицам нападавших. Вокруг него сразу прибавилось пространства, живых не осталось. Пошел вдоль телег, оставляя за собой трупы. Ему казалось, что он не торопится, нападающие же воспринимали все иначе. Видели, как страшный верзила, закованный в доспех, весь покрытый сгустками крови, очень быстро уничтожает ватажников. Гвалт всюду стоял неимоверный.

Оставшиеся в живых тати бросились в лес. Андрей догнал еще двоих, срубил им головы.
– Все... все, сотник, отбились, – услышал он голос кого-то из своих, проникающий в уши тихо, будто через ватные тампоны.

Голова не болела, но кровь, пульсирующая, по организму, прогонялась по венам с усиленным в несколько раз давлением. Хмыкнув, пришел к выводу, что и скорость в схватке с татями усилилась вместе со скоростью крови. Организм подстроился под нужные на тот момент реалии.

Андрей развернулся к повозкам. У крайней телеги стояли Акун и Боривой, жадно хватая ртом воздух, в разорванной одежде, в крови своей и чужой. На повозке лежал лучник с раскроенным черепом. Еще один из соплеменников сидел на земле, привалившись к колесу, опустив буйную голову свою на грудь.

«Судя по всему „двухсотый“», – подумал Андрей.

– Боривой, посмотри, пойдя, кто еще выжил из наших, а ты, Акун, собирай трофеи.

Андрей пошел вперед к поваленному стволу дерева. Нужно было глянуть, что можно сделать, чтобы освободить дорогу. Проходя мимо одной из телег, заметил, как Акун, идя с другой стороны каравана телег, по-деловому, без спешки ножом добывает выживших налетчиков. На лице Акуна не было выражения злобы, «ничего личного», как бы говорила его физиономия. Для человека двадцать первого века это было ужасно.

Андрей уселся возле поваленного ствола, туда же подошли и все выжившие.

– Докладывай, Боря.

– Да что тут говорить. Добро цело, лошади тоже. Вот только потеряли мы Истра, Люта, Сфирка и Вышату. Судислав ранен, не довезем до знахарки – кончится. Ну, а порезы да синяки у всех, куда ж без них.

– Блин. Хорошо за хлебушком сходили.

– Что говоришь, сотник?

– Да, это я себе.

Все уже давно привыкли, что сотник употреблял непонятные никому выражения, но мирились с этим.

Передохнув, без эмоций, загрузили тела погибших своих в телегу. Всех татей снесли в лес недалеко от дороги, побросав их друг на друга, предварительно обыскав, не найдя, по большому счету, ничего ценного. Трофейное оружие разложили по повозкам. Дерево, перегоревшее дорогу, пришлось кромсать на три части. И вот, освободив проезд, двинулись дальше. Избитые, перевязанные люди выглядели не лучшим образом. Андрей понял, что привал требуется сделать, как только выберутся из «зеленки» на ближайшую поляну. Люди устали.

На стоянку встали, не дожидаясь вечера. Недалеко протекал ручей с вкусной водой, была возможность обиходить себя и лошадей. Разведя огонь, Акун принялся застряпню. Боривой и Вторуша сняли погибших с телег. В это время Остромир рядом с дорогой соорудил поленницу, таская из леса хворост и бревна. Наконец погибших возложили на погребальную краду. В ногах поставили горшок, в головах – холщовый мешок. Вторуша, пройдя вдоль крады, облил ее из баклажки маслом. Стоящему перед крадой Андрею Боривой подал зажженный факел. Держа факел перед крадой, Андрей громко выдал фразу, в его нынешнем понимании должную подчеркнуть суть происходящего действия:

– Прощайте, соплеменники. Истр, Лют, Вышата, Сфирк. Вы были храбрыми воинами и погибли в бою, защищая имущество родовое. Мы отомстили за кровь, пролитую вами. Пусть на небесах встречают вас родичи.

Провел факелом по краде, дождавшись, когда огонь разгорится, бросил его внутрь. Отойдя от костра, все остановились, глядя на то, как тела от сильного жара стало крючить.

– Прощаются братья наши... – вырвалось у Акуна.

В это время со стороны дороги слышался скрип едущих телег и из пролеска показались две повозки, запряженные лошадьми, на каждой восседало по бородатому мужику. Не доезжая до горящей крады, повозки остановились, и из первой прыгнул лысоватый, небольшого росточка абориген. Одежда выдавала в нем человека не богатого, но зажиточного. На поясе висел короткий меч с широким лезвием и овальной гардой.

– По добру я, уважаемые, – приветствуя, подал голос.

Ищенко молча кивнул. Мужичок подошел к стоящим кривичам и, взглянув на пылающий костер, спросил:

– Попутчики ваши?

– С одного городища, – отозвался Боривой.

– Ох, беда, беда! Не откажете, если мы присоединимся к вам? Непокойно на дорогах нынче.

– Хорошему человеку мы всегда рады, – согласился Андрей.

Страву совершали недалеко от догорающего костра, приобшив к съестному небольшой бочонок ягодного вина. Слегка опьянев, словоохотливый мужик, поведал, что он купец из Ольгова, а это тоже земля Черниговская. Зовут его Порей. При своем купеческом промысле, изъездил он немало городов и весей земли Русской, правда, в земли чужестранные ни разу не выезжал, страшился. Торговал товарами разными. Сейчас ехал в город Курск, потому как проходящий через Курские земли торговый путь из Киева в Волжскую Булгарию сулит большую прибыль. Через «города посемьские», отходящие Курску, на Русь поступают товары из Византии, Востока и Азии.

– Если выгодно распродаться в Курске, можно будет там же закупить чужестранный товар и отвезти его на продажу, скажем, в Берестье.

– А Берестье, это что?

– Это город такой, правда, далече отсель. Рядом королевство Польское, а вообще-то сей городишко в княжестве Киевском находится, – с набитым съестным ртом вещал купец. – А городишко так себе. Стены деревянные, народ, правда, живет в избах, не то, что здесь южнее, повидал я местные веси. Я в Берестье солью торговал. Ничего так, хорошо распродался, а оттуда железо в крицах вез. Эх, кабы не подати, мыто, налоги подорожные. Как бы купцу привольно было.

– Ага, тебе бы халявы, да побольше. Чтоб ложкой.

– Чего?

– Да, это я так, – обронил Андрей, бросая взгляд на догоравший погребальный костер.

Его люди оскалились в улыбках. Они тоже не поняли, что за халява и как ее ложкой есть, но, зная своего старшего, воспринимали непонятные слова через интонацию.

– Вот я и говорю, что Курск, город, в котором закупить можно то, о чем не каждый слыхивал.

«Я б так не смог мотаться по всей Руси, там купил, здесь продал. А в целом, как у нас – налоги, откаты, ментам дай, пожарным дай, санэпидемстанции дай. В карман заглянул и прослезился. Свободный рынок, мать его так. Ничего на Руси не меняется. Бюрократы, депутаты, чиновники, всех надо прокормить. Только у нас инфляция вверх ползет, а жизненный уровень падает».

– Боря, распредели мужиков в дозор по двое. Мы с тобой дежури́м в час волка. Я спать. Завтра с рассветом уходим.

К вечеру второго дня, обоз выполз к слиянию еще двух дорог, образовавших одну весьма широкую, вот она-то и вела в Курск. Навстречу попадались пешеходы, шагавшие из града, жен-

щины с лукошками и сумами, мужчины, тащившие холщовые мешки, гнавшие скотину, проезжали повозки, нагруженные разной утварью и рухлядью. Чувствуя скорое прибытие, повеселевшие людины стали подгонять лошадей. Солнце еще высоко, и желательно попасть в город до закрытия ворот. Опять ночевать на повозке Андрею не хотелось. Сразу при выезде из леса проявились очертания большого городища.

– Курск! – Констатировал довольный завершением мытарств Боривой.

– Уже заметил.

Потянулись ремесленные мастерские, кузни, судя по запаху мастерские кожевников, стоящие наособицу возле реки. Народу на большой рыночной площади было немного, сказывалось позднее время для торговли. В правой стороне от рыночной площади находились тщательно возделанные поля, что на них было посажено, Андрея не интересовало, он лишь отметил присутствие порядка во всем.

– Ну что, сотник, будем ставить телеги. Лошадей гнать за городище, там обустривать, скотиной торгуют не здесь. Завтра поутру готовы деньги, мыто платить.

– Ставь, Боря, и разгрузите одну из подвод, добро раскидайте по остальным телегам или сгрузите на землю. Я пока с лошадиниками до скотьего рынка прогуляюсь.

Пристроив табун и уплатив мыто сразу за два дня торговли, Андрюха, оставив с лошадьми Вторушу и Остромира, вернулся. К этому времени пронырливый Боривой уже хозяйски обосновался на месте, познакомившись с соседями по торговой деятельности.

Андрей верхом, Акун на повозке вместе с раненым Судиславом, заплатив подорожный сбор, пересекли ворота цитадели. Ему было интересно рассматривать город. За городской стеной располагались улицы посада, на боковых лучах которых находились ремесленные слободы. Все это хозяйство было удалено от центра города из-за боязни пожара. Расспрашивая прохожих, они добрались к дому знахаря. Не сходя с лошади, сотник постучал в крепкие деревянные ворота. Через короткое время открылась калитка, вышла молодая полноватая девушка с русой косой через плечо. Глянув снизу вверх на Андрея, спросила:

– Болезного привезли?

– Да.

– Сейчас открою ворота, можно завести повозку. Батюшка скоро выйдет.

Заведя лошадей и повозку через открытые ворота на широкий двор, прошли по дубовым плашкам, выстеленным пред большой избой. По виду всего, что его окружало внутри двора, Андрюха понял, что средневековый лекар не бедствует, отсюда следует, что люди к нему ходят, а значит, он профессионал своего дела. Стоя у телеги, он посмотрел на бледное лицо Судислава, его перевязанную голову, руки и грудь. Андрюха вздохнул: «Выживет ли?». В дороге он три раза колот ему промедол из аптечки, взятой с собой, поэтому дорогу раненый перенес легче, чем предполагал Боривой, не догадывающийся ни о чем.

Осмотрев больного прямо в повозке, знахарь из-под бровей глянул на Андрея:

– Кто его так?

– Да тати, в двух днях пути отсюда. Напали на обоз, еле отбились.

– И довели. Да он за два дня с такими ранами должен был умереть.

– Жить захочешь и не так раскорячишься, – криво улыбнувшись, заметил Андрей. – Мы его раны тертым мхом посыпали.

– Ладно, занеси в избу.

За руки и ноги подняв раненого, двинулись к избе.

– Да не в ту. Там я проживаю. Вот же боковая дверь рядом.

Сбоку действительно было строение. Андрюха определил его как сарай, оказалось – больница. Уложили на лавку.

– Все. Можете уходить. Завтра заходи к обеду, – сказал он Андрею. – Милана, проводи воев.

За ними закрыли ворота, вечерело уже довольно ощутимо. Необходимо было искать место для постоя, не спать же в городе на телеге. Ищенко окликнул мимо пробежавшего юнца:

- Скажи, отрок, где здесь постоялый двор?
- Так, в конце улицы, Позвизд держит, я к нему сейчас и иду.
- Акун, поворачиваем оглобли, айда за юнцом.
- Это с превеликим удовольствием.

Харчевня с гостиницей на втором этаже оказалась всего метров через триста, прямо возле посадской стены. За крепкими тесовыми воротами, открытыми по причине раннего времени настежь, по центру высилась двухэтажная изба, поражая широкими размерами. Справа от избы помещался хлев с хрюкающей и мычащей живностью. Судя по тому, что смрадом оттуда не несло, за животными был пригляд. Перед хлевом находилась коновязь с яслями и выдолбленным бревном для водопоя, это для тех, кто заехал перекусить. Рядом ясли для лошадей постояльцев. Телегу можно было поставить на свободном пятачке слева от ворот, там же находился погреб, закрытый дубовой дверью.

Соскочив с лошади, Андрей привязал ее уздой к коновязи, лошадь тут же потянулась к воде.

- Жди пока здесь, – кивнул Акуну.

Навстречу Андрею выбежал разбитной парняга, на ходу поправляющий запачканную чем-то съестным рубаху.

- Ночевать у нас желаете?
- Глянув на неопрятный вид встречающего, Андрей скривил губы.
- Гляну, пожалуй, сначала.
- Милости просим.

Юнец открыл дверь, державшуюся на ременных петлях, пропуская Андрея вперед.

Внутри было опрятно. По бокам зала поставлены печи для обогрева обеденного зала в зимнее время. Столы чистые, выскобленные, пол подметен, ставни на окнах открыты, в них поступал прохладный воздух со двора. Под притолокой торчали ветки полыни и можжевельника.

«Для ионизации помещения», – определил Андрюха.

За спиной послышалось сопение:

- Светелки наверху.
- Парень показал рукой на ведущую на второй этаж лестницу.
- Ну что ж. Зови хозяина.
- Хозяин, бородатый, тучный мужик в чистой вышитой рубахе, появился незамедлительно.
- Хозяин, крышу-то у тебя снять можно?
- Дык, а насколько остановишься?
- А это как дело пойдет. Думаю дня на три точно.
- А коли так, оставайся.
- И сколько за это удовольствие я должен?
- Ты один?
- Сегодня двое, а дальше один останусь.
- Ага! Ну так, светелка с чистым бельем, еда, овес для лошадей, место под телегу, – слегка задумался, в подсчетах ничего сложного не было, каждодневная рутина. – Четыре деньги.
- Устраивает. Пускай юнец позовет моего человека, а ты показывай светелку, умоемся, ужинать спустимся. Так что, ты нам меда хмельного выставь да щец, а к ним по доброму куску свинины зажарь.

- Сделаем. Давай деньги, и идем смотреть светелку.

Андрюха полез в кошель, отсчитал четыре новгородки и сунул в руку хозяина заведения.

Стянув с себя кольчугу, камуфлированную куртку, Андрей перепоясал рубаху ремнем с мечом. Сполоснув руки, вдвоем с Акуном спустились на ужин. После дороги еда показалась необычайно вкусной. Хмельной мед бодрил. Помимо них в зале хватало посетителей и жильцов. После хлопотного дня в заведении у Позвизда был аншлаг. Набив утробушку деликатесами, обоих потянуло в сон. Уже стоя на лестнице, Андрей подозвал хозяина:

– Уважаемый, как бы нам с утра в баню сходить, уж очень помыться хочется, но сегодня сил уже нет.

– Дак, на заднем дворе баня. Сегодня отдыхайте, а завтра с утра милости просим. Баня у нас знатная, сранья пошлю топить, как проснетесь, все будет готово.

– Благодарствуем.

– Да и бельишко простирнуть можно, в оплату все уложено.

Добрая пища и хмельной мед благотворно сказались на молодые организмы. Чтобы заснуть мгновенно, потребовалось лишь добраться до лавок и снять с себя верхнюю одежду.

Поутру, сытые и намытые, словом как две новые гривны, Андрей и Акун пересекли на повозке городские ворота, уплатив за проезд гужевого транспорта стражнику. Рынок гудел как растревоженный улей. Проехав мимо купеческих лабазов, они очутились у начала торгового коловорота.

– Акун, стань с телегой вон у того складского сарая и жди меня. Схожу к Боривую, и прокатимся к нашим лошадиникам.

– Я понял. Но-о-о, родимые! – отдохнувшие за ночь лошади весело потянули телегу.

По Андрюхиным понятиям, рынок мало чем отличался от барахолок девяностых годов. За деревянными лотками, крытыми навесами из дранки, торговали узнаваемые по прошлой жизни лица кавказской национальности, среднеазиаты, да и славян-торговцев присутствовало много.

– Ёкарный бабай, и здесь азеры обосновались! – пробормотал Андрей.

Вчера, когда он оставлял Боривоя на торгу, дело шло под закрытие рабочего дня и весь этот цирк уже либо свернулся, либо собирался сворачиваться. Нынешняя толкотня торговля наполнила сердце его ностальгией по дому. Рядом с ним, раздались выкрики с интонациями ломаного русского языка:

– А вот гранаты спелые, сладкие, подходи, дам отведать. Четыре по цене одного. Подходи, четыре по цене одного.

Андрей повернул в сторону выкриков. Лицо характерного типа, с чертами, до боли знакомыми каждому россиянину конца двадцатого, начала двадцать первого века.

«Ну, точно азер!»

Стоящий за лотком чернявый худосочный парняга, лет тридцати, в одежде восточного пошива, торговал курагой, гранатами, инжиром и изюмом. На прилавке также присутствовала халва, желтоватый сахар и прочие восточные сладости.

– Откуда будешь, земляк? – спросил Андрей.

– Что покупать будешь? – не понял тот.

– Я спрашиваю, откуда товар привез?

– А-а-а, товар персидский. Покупай, не пожалеешь, четыре граната по цене одного отдаю. Попробуй, сразу купишь.

– Обязательно куплю, только дай оглядеться. Я только пришел, – и двинул дальше вдоль рядов, к лотку, где должны стоять телеги Боривоя.

Торг шел по полной программе, народ торговался, пытался выгадать даже в какой-то мелочи.

«На рынке два дурака, один продает, другой покупает». Вспомнилось Андрею. Он дефилировал мимо лотков с овощами, где продавали репу, морковь, какую-то зелень. Дальше находились лотки оружейников – мечи, щиты, топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел. Лотки тканей и готовой одежды, обувь – все это рядами, подходи, выбирай кому что надо. Лотки кожевников – выделанные кожи и изделия из нее: ремни, куртки, упряжь, седла. Ювелирные изделия из серебра, стекла. Мед пчелиный всех сортов, оттенков, вкусов. Мед хмельной, ромейское вино в бочках, кувшинах. Пушнина.

Увидел лоток, где бойко вел торговлю Боривой. Понаблюдав со стороны, осознал, что Боривой находится в своей стихии. Вот действительно человек родился и нашел себя в этой профессии. Заметив Андрюху, Боривой жестом подозвал его.

– Ну как дела, Боря?

– Слава богам, все хорошо, если и дальше так пойдет, за две седмицы расторгнемся, – лоток был заполнен деревенским ширпотребом, от лаптей и деревянных пуговиц, до меда и мешков с зерном. – Тут мытарь подходил. Сказал, подойдет скоро еще раз, мыто платить надо.

– Не вопрос – подождем.

– Как там Судислав, не помер?

– Довезли. В обед зайду проведать.

Боривой больше отвлекаться не стал, занялся делом, зазывая покупателей и торгуясь, уступая в чем-то, все равно не выпускал из рук выгоду. Андрей отойти от лотка не успел. Как черт из коробочки, слегка вихляющей походкой к лотку подходил молодой, худой, с костистым лицом, длинными руками и кривыми ногами мужчина, в белой длинной рубахе и черных шароварах. Через его плечо была перекинута матерчатая сумка, за ухом торчало писало, не то гусиное перо, не то стило, сразу и не понять.

– Очешуешь. Ну, точно наш финик, ему бы еще очечки на фэйс и вылитый Макс. Братья-близнецы, да и только, разве что побрить, – вслух сказал Андрей.

Макс Тишман был начальником финансовой службы в части, в которой служил Андрей. Крученный, иногда высокомерный, вспыльчивый, но знающий свое дело малый.

– Мыто платить будете?

– Ну а как же, мы люди законопослушные. Платить-то сколько?

Из матерчатой сумки мытарь достал берестяную грамотку, окинув взглядом лоток, возы и стал что-то бормоча подсчитывать.

– Сколько дней торговать надумали?

– Две седмицы, – отвлекся от торговли Боривой.

– Ну, так, – опять бормотание, – приезд в город с целью торговли, на две седмицы, с сего дня, с повозками, с сотоварищами, двое, по полкуны с человека.

Высчитал, объявил:

– Четыре гривны куны серебром.

Андрей полез в кашель и отсчитал монеты в протянутую руку мытаря. Тот ссыпал наличность в свой кошель и протянул бронзовую бляху с вычеканенными каракулями на ней. Андрей принял.

– Тамга, разрешение на торговлю. Через две седмицы вернешь.

– А то. Слышь, мужик, тебя не Максом случайно кличут?

– Замята я.

– Тоже прикольно. Бывает.

– Что бывает?

– Да говорю, обознался я.

Мытарь стал удаляться вдоль торгового ряда. Только сейчас Андрей заметил его сопровождающего, ранее стоявшего в отдалении, с виду звероватого гоблина с коротким, широким мечом на поясе.

– Боря, меня сейчас Акун на скотий рынок отвезет. Там оставит телегу, а сам к тебе. Я потом в город, раненого проведу, да и дела кое-какие порешаю.

– Не волнуйся, сотник, расторгнемся.

Перед самым обедом Ищенко постучался в знакомые ворота знахаря. Как и вчера, ему открыла калитку уже знакомая молодуха с косой через плечо.

– Заходи. Заждались тебя уже.

Андрей зашел в знакомый двор. На скамейке перед хозяйской избой он увидел колоритную фигуру вооруженного варяга, тот был облачен, словно собрался в поход. Несмотря на жаркую погоду, на стеганый поддоспешник был одет ламелярный доспех, соединенный по бокам застежками, на плечах удерживаемый кожанами лямками, на которые крепились металлические бляхи. На поясе меч. Шлема не было вовсе, по этой причине Андрея поразила бритая голова с длинным пучком волос, спускавшимся с макушки. Картину дополняли ухоженные усы, свисавшие с лица, словно два моржовых клыка. Лицо руса пересекал застарелый шрам, проходящий от уха через всю правую щеку, до подбородка. Увидев входящего Андрея, варяг встал с табуретки, поставив на нее глиняную кружку, шагнул навстречу.

– Здрав будь.

– И тебе не хворать. Чем обязан такому вниманию? Или провинился чем?

– Еще вчера Ставр передал вести о тебе. Наместник князя желает видеть тебя. Идем.

– Что ж, я не против. Дай только человека своего проведать.

Желание наместника повидаться с приезжим совпадало с распоряжением Монзырева. Задача стояла познакомиться с главой местной администрации. Ищенко еще в дороге ломал себе голову, как свести знакомство, а, поди ж ты, само собой вопрос разруливался. За спиной слышалось легкое дыхание Миланы.

– Людин твой жив. Пойдем в избу, батюшка как раз у него.

В комнате, где находился раненый Судислав, пахло травами, но все же ощущался легкий сладковато-приторный запах застоявшейся крови. Небольшое оконце, со вставленной в него слюдой, давало мало света, но все же позволяло, вместе с масляным светильником хорошо различить бледность на лице раненого, лежавшего на лавке. Больной тяжело дышал, но был в сознании, рядом с ним находился Ставр, который из плашки поил его целебным отваром. Оба скосили глаза в сторону вошедших.

– Как ты, Слава?

– Жить будет, – вместо Судислава ответил знахарь. – Ты все же мне ответь, как смог довести его такого?

– Боги помогли.

– Ну да, ну да.

– Зачем ты посаднику про меня сообщил?

– А как ты думал? В двух днях пути от города тати шалят. Их ловят, поймать не могут. И тут появляется такой красавец, как ты, и сообщает, что одолел их. Да и раненый у меня на подворье из пришлых. Чей, откуда прибыл, кто он? Известно только с его слов, чай не со сломанной рукой. Обязан сообщить.

«Ну, ничего не меняется. У нас огнестрел или ножевое ранение, обязательно ментам стукнуть надо. Здесь такая же песня. Эх, не по тем книгам мы историю учили».

– Долго оклемываться будет?

– А что, не видно? Парень практически за кромкой побывал.

– Слава, может хочешь чего? Я принесу.

– Благодарствую, сотник, – просипел раненый. – Мне бы отлежаться. Все болит. Ты бы меня уколол лекарством своим, мочи нет терпеть.

- Нечем колоть, Слава. Нет у меня больше лекарства.
- Что за лекарство? – встрепенулся лекарь.

Ищенко чертыхнулся про себя. Не будешь ведь рассказывать, что через десять веков изобретут промедол.

– Да продал мне как-то купец из Византии, лекарское средство, да закончилось оно. Что за средство, я сам не знаю. Не лекарь я – воин. Ну, пойду я, посадник кличет.

Выйдя во двор, вдохнул полной грудью свежий воздух.

- Пойдем, что ли, служивый? – обратился к ожидающему представителю власти.
- Идем.

В самом центре города была выстроена крепость-детинец, внушающая уважение всякому, кто находился рядом. Это была крепость в крепости, с внутренним склоном оборонительного рва. Андрей на глаз определил: «метра три и ширина метров двадцать». По внутреннему краю шел частокол из крупных, до полуметра, бревен. Пройдя со своим сопровождающим по опущенному подъемному мосту, с интересом рассмотрел охранявших ворота цитадели варягов.

«Все-таки по внешнему виду и оружию здорово отличаются от местных граждан. Какая натура, какой типаж. Их бы в кино снять».

Местные бодигарды со скукой взглянули на проходящих мимо них. Только на мгновение в глазах появилась заинтересованность, когда взгляд обоих упал на меч, висевший на поясе у Андрея, и тут же пропала, рассыпавшись о лицо сопровождающего.

Внутри крепости бревна частокола были расколоты пополам и установлены плоской стороной внутрь укреплений. Сам детинец представлял квадрат, примерно сто на сто метров, по углам со стороны ворот возвышались две каменные башни, похожие на донжон. По центру двора располагался высокий и красивый деревянный терем с постройками справа и слева примыкающих к нему зданий, казармы и конюшни соответственно. Плац перед теремом был уложен почерневшими от времени и использования дубовыми плашками, подогнанными и утрамбованными, словно паркет в помещении ведомственной принадлежности. Плашки отсутствовали только возле коновязи и конюшни. Хозяйственные постройки, судя по всему, находились на заднем дворе цитадели. По двору сновали по своим делам вооруженные ратники, женщины исполняли какие-то свои хозяйственные работы.

Поднявшись на крыльцо терема, вошли внутрь. Андрей почувствовал благодатную прохладу помещения. Пошли по короткому, широкому коридору, минуя запертые двери. Наконец нырнули в центральную дверь. Сделалось заметно теплее и светлее. Окна в главной зале терема оказались большого размера, забранные тонкой слюдой. От неожиданно яркого света в глазах заребило бликами.

- Купец доставлен, боярин!

Зрение восстановилось, и Андрей увидел в большой расписной комнате на возвышенности деревянное резное кресло, покрытое слоем коричневой краски. В кресле восседал совсем не старый еще, плечистый мужчина с курчавой светлой бородой, в дорогом кафтане голубого цвета, расшитом серебром, такого же цвета шароварах и полусапожках тонкой выделки кожи. На груди его висела золотая цепь. Ищенко прикинул – «граммов триста пятьдесят весит». По бокам от кресла на лавочках, застеленных коврами с узором, сидело еще восемь человек различной наружности, но все высокого положения для этого города. Все при мечах, кое-кто и в доспехе.

- Здрав будь, боярин! – поклонился центральному персонажу Андрей. – Почто звал?
- И ты, здрав будь, хм... купец. Хотя не похож ты на купца.

– Так я и не купец вовсе. Сотник я, боярина Гордея, из веси кривичской. Прибыл по его поручению сопровождать караван торговый. Да дела кое-какие порешать. С тобой вот велено встретиться.

– Ну, то, что ты татей дорожных положил в двух днях пути отсель, я уже знаю. Не знаю только, сколько их было.

– Двадцать четыре разбойника насчитано. Да трое ушли.

– О как! А своих сколько потерял?

– Так, четверых, да один у знахаря лечится. Знахарь сказывал, поднимет на ноги больного.

– Поверить зело трудно в такой расклад. Али вои с тобой знатные были?

– Да нет, обычные пахари. Наверное, повезло просто. Боги были на нашей стороне. Уберег Сварог внуков своих.

– Что скажешь, Улеб?

– Да что сказать, Вадим Всеволодович. Война ведь одних в Хель уводит, а другим славу дает. Мы-то за татями этими сколь охотились, а вишь, они сами смертушку себе нашли.

Легко поднявшись с кресла, боярин стремительно подошел к Андрею.

– Ну, за доблесть твою, сотник, прими подарок с моей руки, – он снял с пальца серебряный перстень с красным камнем и вложил в ладонь Андрею. – Носи, заслужил.

– Благодарствую, боярин, – надел подарок на средний палец левой руки. – Помнить буду, от кого награду получил, дорогого стоит.

Явно довольный сказанным, Вадим Всеволодович вернулся на место.

– Ну, рассказывай, о чем боярин Гордей переговорить велел?

Еще перед отъездом Монзырев с Вестимиром решили, что так как в веке десятом, имени Анатолий, да еще Николаевич, у славян не встречалось, то и принять потребно другое имя. Так Монзырев стал Гордеем Вестимировичем, все-таки волхв выступил инициатором появления в этом мире новоявленного боярина, так что отчество крестник получил от него.

– В седмице, ну может чуть больше, пути от Курска, на правом берегу реки Псел находится наша пограничная весь, держит она по земле своей границу от соседей хлопотных, людокрадов проклятых, кои каждую весну и лето приходят пограбить землю русскую.

В палатах послышалось легкое обсуждение сказанного. Боярин приподнял слегка руку. Все умолкли.

– Да знаем мы о вас и о печенегах тож. Сей год хотели к границе малую дружину послать с воеводой Улебом Гунаровичем.

– Прости, боярин. Припозднились вы малость. Словно косою прошлись печенеги по весям нашим. – Отбиться удалось, да люда погибло много. Кого в полон увели, а кого пограбили.

– То-то ты торговать заявился, – с обидой вырвалось из правого ряда советников.

– Дак ведь не от хорошей жизни заявился. Послал меня Гордей Вестимирович к тебе, боярин, Вадим Всеволодович. Не помощи просить в войске. Потребно ему от тебя пара человек, варягов знатных, в делах ратных умельцев. Учителя воинские ему надобны, хочет он мужей в родах пограничных под щиты поставить. Учение весь оплатит.

– Это смердов-то учить? – с лавки поднялся и сделал три шага вперед молодой варяг, одетый в бронь. На лице его заиграла презрительная улыбка. – Ну, коли вашему боярину серебра не жалко, пусть. Но толку будет мало.

– Сядь, сотник Якун! – повысил голос боярин.

– Дозволь, Вадим Всеволодович, слово молвить! – с места, предназначенного ему, поднялся Улеб.

– Говори, Улеб Гунарович.

– Дозволь мне в ту весь поехать. Застоялся я в Курске, чувствую, жирком обрастать стал.

– Да ты что, воевода, али белены объелся. Где это видано, чтобы с воеводства на весь пасть. Чего тебе у меня не хватает. Али самолюбия в тебе не осталось, гордости нет?

Андрей отрешенно стоял чуть в стороне, уже не принимая участия в разговоре. Он сразу почувствовал гнев посадника. К чему он может привести, не знал.

– Минуло уж тридцать три зимы, как я, тогда еще юнец, пришел со своим хевдингом, Хрольвом Вилобородым в Гардарики, с красным щитом, поднятым на мачту. Мы пришли за добычей и готовы были рубиться хоть с самим Фенриром, лишь бы разбогатеть и вернуться в свой фиорд с кошельками серебра и славой удачливых бойцов. Сейчас тот хирд, с которым я приплыл, почти весь уведен девами валькириями в чертоги Одина. Остался я да Стегги Одноногий, который приживалкой живет при мне у тебя, боярин. Смотри, сколь много возле тебя молодых. Дозволь мне отправиться в пограничье. Там я принесу еще пользу для Гардарик, ставших мне второй родиной. Да и Одноногого возьму с собой.

В палатах стояла мертвая тишина. Боярин в раздумье смотрел на Улеба.

«Старик выжил из ума. Однако он прав, пора сменить его на кого помоложе. Отпустив его, покажу этим, что оказал помощь. Да и боярин этой верви вроде бы как в должниках походит. А то ведь по „Киевской правде“ живут по своим законам, с которыми даже князь обязан считаться и не вмешиваться в них. Глядишь, для чего-нибудь и сгодятся эти людишки».

Приняв решение, он удовлетворенно улыбнулся. Настроение на глазах стало подниматься.

– Ну, коли просишь, а-а, будь по-твоему. Отпускаю.

– Благодарю, боярин.

– Ну, а еще с чем послан? – опять обратился боярин к молча ждавшему Андрею.

– Вадим Всеволодович, мужчин у нас повыбивали много, мой боярин поручил привезти мужиков, кого по согласию в закупы взять, может, где вдачи¹ согласятся, или изгоев найду.

– Ну, в этом я тебе не помощник. Сам крутись, как хочешь. Но и мешать не буду.

– И за то благодарен буду.

– Ну, будь здоров. Я так думаю, что эта встреча не последняя у нас.

– И тебе здоровья и долгих лет, боярин, – поклонился Андрей, на плечо ему легла тяжелая рука. Ищенко скосил взгляд влево, рядом стоял старый Улеб.

– Идем.

– С радостью, воевода.

– Да какой же я теперь воевода? – выходя из терема, проговорил Улеб.

– Ну, хочешь, я тебя учителем звать буду? Или сэнсэем?

– А это что за зверь?

– Так у азиатов с далеких восточных островов прозывают учителя.

– Ну что ж, вполне.

¹ *Вдачи* – люди, которые отдавались на временную службу господину. Это делалось во время отчаяния – в период голода или опустошительной войны. Становились полусвободными. Должны были работать на господина один год.

5

Сильный порыв ветра наполнил кормовой стяг. Волнующаяся полоса парусины закрывала от взгляда пейзаж впереди бегущего по водной глади реки торгового судна. Оно плыло вниз по течению, оставив позади город у слияния рек Кур и Тускарь. Уже были пройдены пороги, и судно скользило по западному притоку Оскола, впадающему в Северский Донец. Слишком большой путь проделали корабельщики в этом походе. Всем хотелось побыстрее вернуться домой. Но Саклаба – страна богатая, как магнитом тянувшая восточных купцов к себе.

«Слава Аллаху, милостивому и справедливому. Этот поход, если вернемся целыми, принесет солидный куш».

Не каждый купец в Медине может похвастаться, что побывал у самого Бахр Варанк – Варяжского моря, как говорят сакалибы. А он, Ибн-Хулал, доплыл к нему, повидал города русов, уже имеет прибыль от своего путешествия, а сколько еще выручит звонкой монеты от любовно упакованной и аккуратно уложенной пушнины. Он уважаемый на родине купец. Требовалось рискнуть, и он рискнул. Сакалибы не знают настоящей цены шкуркам бобра и черной лисицы, песка и соболя. И слава Аллаху, что так. А еще он вез речной жемчуг, на берегах Нево он тоже очень дешев. Бочонки с медом. Да мало ли чего он везет, прибыль обещает быть баснословной. Единственно, точило мысли, правильно ли он сделал, поплыв на юго-запад к «семесьским городам». Ведь можно было по Итилю доплыть до Камеджы – столицы Хузар, а там море Джурджана, немного усилий, и он почти что дома. Как говорят на востоке, чтобы найти правильный путь, нужно остановиться и оглядеться. Но теперь-то оглядываться поздно, вот войдем в Дон, повернем на восток, на Белую Вежу. Там оглядимся. А сейчас разве что пристать у какого селения по пути, размять ноги, дать отдых людям. Скоро пойдут беспокойные места, земли степных варваров. Нельзя будет даже выйти на берег.

– Салех, – позвал он кормщика. – Увидишь с правой стороны берега поселение сакалибов, пристанешь, будем отдыхать.

– Слушаюсь, хозяин.

Могучие ели в иных местах так близко подступали к берегам, что лапы их почти смыкались над водой, казалось, судно идет не по реке, а по лесной дороге. В таких местах совсем не ощущалось, что это юг Руси, только зелень здесь была светлей, чем в Новгородских землях, все-таки сказывалось присутствие палящего, южного солнца, да синь неба не такая глубокая, как на севере. Средине лета. Вдруг справа по борту на высоком мысу корабельная прислуга заметила столб черного дыма, горел сигнальный костер.

– Эфенди, что-то мне подсказывает, что с нужной нам стороны будет деревня.

– Да, да. Вот только как нас там встретят?

– Русы – народ хлебосольный. А мы не воины, а купцы. Купцам всегда почет и уважение.

Узкая, маленькая лодка-однодревка выплыла из-за мыса навстречу судну, два славянина, сидевшие в ней, вытянув шеи, будто это могло чем-то помочь, издали пытались рассмотреть приближающегося «купца». Плавучие средства сблизилась на расстояние, приемлемое для общения.

– С чем пожаловали, уважаемые?

С носа корабля свесился Сухмет, упитанный малый, с плохо растущей козлиной бородкой и усами, еще на родине изучавший от рабов-славян русский язык. В походе он был толмачом.

– Хозяин наш – купец. Домой возвращается из ваших земель. Просит дозволения пристать на отдых в вашей деревне.

– Там за мыском, через пять стрелищ затон с пристанью. Мы оповестим, вас встретят.

– Благодарю тебя, русич, – лицо Сухмета расплылось в дружеской улыбке.

Лодка развернулась в обратную сторону, сидевший на корме ритмично прогреб воду веслом, придав ходу лодки ускорение, а ставя весельное перо ребром, используя его в качестве правила, направил лодку в нужном ему направлении. Лодчонка нырнула в заросли у песчаной косы, исчезнув в незаметной со стороны фарватера талице. А через короткое время клубы дыма от костра зазмеились в каком-то неведомом для проплывающих, порядке.

– Сигналят.

– Да.

На пристани, связанной из толстых сосновых бревен, к которой кормщик причаливал судно, их уже ждали бородатые мужи в холщовых рубахах, опоясанных мечами, но без щитов и копий. Первым на пристань выпрыгнул Сухмет, кланяясь, прикладывая левую руку ниже груди. Купец, дождавшись, когда судовые концы будут закреплены, степенно ступил на берег. Навстречу шагнул только кряжистый селянин с тонкой серебряной гривной на груди. Слегка поклонившись в приветствии, спросил:

– С чем пожаловали в нашу вервь, гости нежданные?

Сухмет толмачил, ничего не добавляя к словам старейшины от себя.

– Я, мединский купец Ибн-Хулал. Иду с товаром домой из вашей благодатной страны. Прошу дать пристанище мне и моим людям, а завтра с рассветом мы поплывем дальше.

– Что ж, добрым гостям мы рады. Я староста северянской верви Ратибор. Прошу идти за нами. Мы укажем вам постой. Накормим и угостим медом хмельным и квасом тебя и твою команду.

– Сердечно признателен тебе, уважаемый Ратибор. С моей стороны прими, как знак уважения, пять кувшинов румского вина.

– С радостью. Идемте, мы проводим вас.

Закатное солнце оранжевыми лучами освещало открытые настежь ворота веси. В эти ворота пастушки прогнали мычащее стадо коров, торопящихся к своим хозяйкам на вечернюю дойку. Селение наполнялось картиной мирной жизни. Заканчивался трудовой день. С реки веяло прохладой. Корабельщики, сопровождаемые старейшиной, прошагали по центральной улице к возвышавшейся среди деревенских хибар избе, обнесенной забором. Из-за плетней на прибывших смотрело население общины. Расположившись во дворе и ожидая угощения, люди, вымотанные дорогой, разомлели. В честь гостей была затоплена баня. Когда подошло время, распаренных и чистых, их усадили за столы, накрытые тут же во дворе под яблонями. Угощали сбитнем и квасом, простой деревенской стряпней, от хмельного меда те отказались. Когда стемнело, уложили спать, разобрав гостей по жилищам. На судно ушло отдыхать трое во главе с кормчим. Купца оставил в своей избе старшина веси. Ночь вступала в свои права.

Дни, которые понеслись чередой, для Сашкиных орлов стали обыденными буднями. Он взял их в оборот мертвой хваткой бультерьера, ни на миг не выпуская из поля зрения. Десять молодых пацанов, в возрасте до двадцати лет, были отобраны им по тем критериям, по которым отбирают в элитное подразделение специального назначения Вооруженных Сил Российской Федерации. В свое время Сашка и сам был отобран таким образом, поэтому эту кухню он знал. Приказ Монзырева был прост.

«Отобрать. На подготовку один год».

К десятку деревенских Монзырев от себя присовокупил двух пацанов, попавших в эту передрагу вместе с ними, Олега и Павла.

На курс молодого бойца был выбран самый простой и ненавязчивый армейский распорядок. В учет принималось лишь отсутствие привычных часов. Поэтому:

Первые лучи солнца – подъем.

Продрать глаза – утренняя поверка.

Посленочный пересык – утренняя зарядка, в обязательном порядке начинавшаяся с десятикилометрового кросса по пересеченной местности. Дистанцию Сашка сам отмерял, как смог. После кросса шли разминочные упражнения по рукопашному бою.

Солнце на два пальца выше крон – утренний туалет и завтрак. Еду во временный лагерь, находившийся от деревни на расстоянии десяти километров, на чертову дюжину бойцов доставляли три раза в день, на телеге, запряженной печенежской кобылой, две молодки. Таково было распорядение Монзырева.

«Чтобы бойцы чувствовали, что о них помнят в родной общине».

После завтрака – теоретическо-практические занятия. Дисциплин, которые необходимо было познать, хватало. От простой арифметики и грамоты, правда на современный манер, в преподавании которых были задействованы курсанты-попаданцы, до логического мышления – как поступить в той или иной ситуации.

А также стрелковая подготовка. Сашка сам ходил к деревенским умельцам – кузнецу и столяру, и в результате у ребят появилось тринадцать арбалетов, здесь их называли самострелы, только улучшенные, модернизированные под специальные, такие как в двадцать первом веке у спецвойск. Из луков в засаде не всегда можно стрельнуть. Чтобы лучник смог выстрелить и как вариант выставить стелу в нужном ему направлении, он обязан был твердо стоять на ногах. Работать арбалетом можно было даже лежа, стрелять из любого положения. Для разведки это свойство немаловажное.

Изучали снаряжение воинов для умения уничтожить противника в броне. Выживание в сложных условиях, маскировку, слегка коснулись медицины.

Приезд телеги с кормилицами – обед.

До команды «строиться» – личное время. Примерно тридцать минут.

После команды «строиться» – практические занятия. Здесь на практике изучали и совершенствовали навыки и знания, как сподручнее отправить человека к его праотцам. И естественно, занятия по рукопашному бою. Занятия проходили более чем интенсивно. К приезду телеги на ужин парни еле волочили ноги. Сашка понимал, что так и должно быть, недели через три втянутся, будет полегче.

Ну, естественно, ужин.

Личное время – до Сашкиной команды: «На вечернюю поверку становись».

И отбой. О-о-о! Какой сладостью звучит это слово для всех поколений «зеленой» молодежи, проходящей в войсках узаконенное изнасилование организма, пафосно названное каким-то шутником – курсом молодого бойца.

Вот такой простой и ненавязчивый распорядок дня.

– Занятия и взаимоотношения должны проходить по-армейски, жестко и эффективно. Запомните, салаги, на целый год забудьте про мам, пап и любимых девочек. Пока с вами папа Саша, – он пятерней ладони поплескал себя по лысой голове, – этого мусора в ваших мозгах быть не должно. Никаких скидок на возраст здесь не будет. – Зыркнул он на Олега и Пашку.

– Если кому-то захочется мамкиной титьки, так я вам ее быстро предоставлю. И запомните последнее. Чтобы выжить в предстоящих боях, я из вас все жилы вытяну. Все поняли?

– Да, сотник! – дружно гаркнуло подразделение.

– Итак, я продолжаю. По тактике ведения скоротечного боестолкновения с превосходящим по численности и вооружению противником существуют следующие упражнения, например, бой усеченной группой в окружении лесистой местности...

Ежедневно он рассказывал и показывал, словом вдальбивал в молодые головы свои знания.

Как-то через две недели занятий лагерь посетил Монзырев с Вестимиром. Провели на занятиях целый день, и оба остались довольны результатами.

– Олекса, если надо кого-то подбодрить из молодых воев, ты скажи, я поговорю с ним.

– Батюшка, – Сашка по привычке общения со священниками в своем времени и Вестимира называл по старинке. Свой серебряный крест на груди он носил открыто, хотя все в веси воспринимали его как оберег. – Батюшка, я был бы плохим офицером, если бы не мог справиться с дюжиной призывников. Давайте заниматься каждый своим делом. Вы лучше расскажите, как там Андрюха?

– Вестей никаких нет. Да и рано еще. Я планирую, что он появится не раньше, чем через две недели.

– Ну и ладушки, командир. Все будет хорошо. Ты не переживай.

Уже усевшимся на лошадей проверяющим, готовым отчалить восвояси, Сашка сказал:

– Вот, что, отцы командиры, я тут поразмышлял и сделал вывод, для улучшения учебного процесса бойцы два раза в неделю должны заниматься приемами боя на мечях, а такого знания, пардон муа, я им дать не в состоянии, сам в этом профан. Среди местного населения, конечно, имеются воины-мечники, но их уровень клинкового боя достаточно слаб. Так что думайте, как восполним пробел.

– Что-нибудь придумаем.

– Поклон от меня всем нашим.

– Обязательно. Бывай. Через две недели будем у тебя снова.

Опять подъем – отбой, подъем – отбой. Вколачивание знаний и навыков. Силовые упражнения, упражнения на выносливость, стрельба из арбалетов и владение ножом, кистенем и удавкой. Теория и практика, снова теория:

– Слушай сюда, зелень пузатая. Сегодня отрабатываем упражнение по организации охраны и отражения нападения на спецобъект, а в частности, на родную деревню.

И они отрабатывали. Отрабатывали тактику нападения и захвата спецобъекта. Тактику и способы освобождения заложников. Учились работать в группе и каждый самостоятельно.

Большое внимание Сашка уделял занятию по тактике ухода от преследования, приемам организации ловушек и заграждений.

Курсанты учились делать непреодолимые для степняков лесные завалы, устраивать «волчьи ямы», организовывать засады. Втянулись в режим. Парни молодые, сильные, впитывали знания словно губка, тут сказался и результат отбора. Скажем так, отстающих не было вовсе. Не хватало практики.

– Ничего, практика – дело наживное. Скоро выходим на первый экзамен, – перед строем потирал руки Горбыль. – Вот и посмотрим, как из салаг рождаются мужчины.

Наконец во временный лагерь прибыл Монзырев. Позади него катилась телега с поклажей. Соскочив с лошади перед строем курсантов, принял Сашкин стандартный доклад:

– Товарищ майор, разведдиверсионное подразделение курсантов построено. Командир подразделения старший лейтенант Горбыль.

– Вольно! – повернувшись к строю, скомандовал Монзырев.

– Вольно! – эхом откликнулся Сашка.

– Товарищи курсанты. Сегодня прошло четыре седмицы, прошел месяц, как вы начали свое обучение. Я привез с собой экипировку для выхода на задание. Это будет ваш первый выход. Выход – экзамен. После чего вы опять продолжите свое обучение. Задача перед вашим подразделением будет стоять несложная. В быстром темпе пройти заданный маршрут, держась берега реки. – Пойдем против течения, на расстояние, составляющее по времени до семи дней пути. Питаться подножным кормом и охотой. Костров не разводить. Себя не обнаруживать. Примечать дороги, населенные пункты, переправы, количество населения. В боевой контакт

без надобности не вступать. Темп передвижения будет задавать ваш командир. Я иду с вами наблюдателем, в замыкании отряда. Вопросы ко мне есть?

– Никак нет! – заученно гаркнул строй.

На лицах людей просматривалось эйфоричное настроение. Первый выход – это все равно как дефлорация у юной девы, совершаемая по согласию, по большой любви. Знает, что может быть больно, но как же хочется.

– Сейчас подойдете к телеге, и Борич выдаст каждому экипировку. Переодеться, вооружиться. Построение по первой команде. Разойдись.

Отойдя в сторону, офицеры наблюдали за молодежью, экипирующей в выкрашенную в цвет летнего камуфляжа одежду. Новая форма, с подачи Монзырева пошита женщинами городища, один в один соответствовала КЗСу армейской разведки. Напялив на себя невиданную ранее одежду, вооружаясь, молодые люди с интересом рассматривали друг друга. Пока «обезьяна вертела в руках гранату», отцы-командиры стояли в стороне, не став отвлекать подчиненных.

– Ну что, Анатолий Николаевич, Андрюха появился?

– Да нет, Сашок. Я уж стал волноваться. Может, произошло что в дороге? Поэтому от мыслей шальных развеюсь с тобой на пленэре. Вернемся, если не будет этого засранца, придется ехать на поиски.

– Как дела в деревне?

– Да стройка, что затеяли, уже задолбала, сил нет от дел хозяйственных, сбежать куда глаза глядят хочется. Ощущаю себя председателем колхоза. Опять-таки лесопилку на реке ставим. Неподалеку от деревни Аня Майкова глину достойную нашла, печь для обжига кирпича ставить будем. Нам нужно не только укрепленное городище. Нам необходима крепость-цитадель. Выжить проще будет.

– Ну и планов у тебя громадьё, командир. А осилим?

– Осилим, Сашка. Ты мне только диверсантов подготовь. Уж очень они через год цениться будут. Каждый на вес золота. Придут по весне кочевники, чую. И по зубам им надо будет чувствительно дать.

– Будут тебе диверсанты, Николаич. Это даже не обсуждается, ты мне только хорошего мечника в наставники изыщи.

С головным дозором впереди и замыканием позади колонна разведчиков уходила в свой первый «поиск».

Ратибор умирал, он лежал у ворот своего двора, зажимая ладонью вспоротый живот. Вот-вот появится Мара и уведет его через Калинов мост, где ждут шуры. Закончился его земной путь. Руки уже заохлодели, и даже боль отступила куда-то вглубь. Селенье, которое ему доверили хранить, умирало вместе с ним. За спиной горела его усадьба, сухое дерево стонало под напором огня. Где-то внутри этого костра находились тела его внуков, которых не смог защитить, как не защитил и восточных гостей, приведших, быть может, к северянской верви северных волков. Коварное нападение викингов произошло ночью. Стремительно напав, они безжалостно уничтожили всех, кто стал на защиту своих очагов с оружием в руках. Тех, кто не пытался отстоять свою свободу, сгоняли как стадо в круг. Упоенные кровью, в предчувствии добычи и безнаказанности, напавшие веселились и подтрунивали друг над другом. Им было смешно. Смешно бросать зажженные факелы в жилища, где сгорало чье-то счастье, где когда-то рождались дети и умирали старики. А между жилищами лежали мертвые северяне, люди из селища, которое переставало существовать. Эти волки в личине человека, походя, растоптали весь и, загрузив новоявленных рабов, отплыли.

Ночь подходила к концу, было ясно и тихо. Время от времени потягивало сыростью от реки. Старейшина вздохнул. Вдруг перед его лицом появился чужой лик, вымазанный полос-

ками сажи. Сразу и не скажешь, кто перед тобой, человек или нежить речная. Нет, образ больше соответствует людину! Человек был одет в пятнистую куртку, опоясанную мечом.

– Ты кто? Неужели Мара тебя прислала за мной?

– Я боярин кривичей, Гордей. Наша весь в седмице пути вниз по реке. Что у вас произошло? Кто напал на селище?

– Я – Ратибор. Был старейшиной веси, – пересиливая боль, уже с трудом ворочая языком, ответил умирающий. – На нас напали нурманы. Кого не убили, увели с собой. Поплыли вниз по реке. Прошу, боярин, спаси моих соплеменников, кого сможешь. Умерла северянская весь. Прими к себе, пусть даже в закупы, все ж лучше, чем на чужбине рабами помрут.

Монзырев положил руку на голову Ратибора.

– Обещаю, сделаю что смогу. А теперь, отец, извини, ухожу. Свою весь спасти надо. Если хищник отведал крови, он не остановится. Мой род в опасности.

– Пусть Сварог поможет тебе. И мне легче на душе. Прошу, добей, муку терпеть тяжело.

– Прощай! – Монзырев молниеносно всадил нож в сердце Ратибора и, выходя из горящей деревни, свистом подзвал своих. Собрались в круг.

– Слушай боевой приказ. Вниз по реке плывет отряд викингов. Это они сожгли деревню и взяли из нее рабов на продажу. Плывут в направлении нашей веси, значит, попытаются сжечь и ее. Наша задача. Опередить их по суше. Устроить засаду и уничтожить. В ближний контакт не вступать. Не потянете вы еще боя с профессиональными воинами. Темп передвижения максимальный. Место засады определяю. Кто хочет высказаться?

– Здесь неподалеку видел людей. Мужчины, вооруженные луками.

– Судя по всему, это все, что осталось от жителей деревни. Отвлекаться не будем. Горбыль в головной. Я в середине колонны. Все, пошли.

Воины растворились в рассветных сумерках. Догорающая деревня осталась позади. Ну, а река, она все так же спокойно несла свои воды вниз по течению, туда, где в нескольких днях пути в уютной долине раскинулось поселение кривичей.

Драккар река несла вниз по течению, она была не широка, но извилиста. Пологий левый берег такой низкий, что воды свободно вторгались в него широкими извилистыми заливами. Крутые склоны правого берега были покрыты шапками кустарника, а с крон смешанного леса ветви деревьев задевали ванты проплывающих кораблей. Паруса сложены, весла подняты и вытащены на палубу, сами хирдманы отдыхают после успешного ночного налета, и только на кормах воины шевелят рулевыми веслами.

Рагнар Рыжий, сын Фудри Счастливого, хевдинг датской ватаги, все Гардарики прошел без драк и нападений, удерживая своих воинов от скоропалительных поступков с пьяными разборками в кабаках и на постоянных дворах. Хотел наняться в дружину в Новом Городе, не получилось, поплыл в Ладогу, там то же самое.

«Неужели не нужны умелые бойцы конунгам русов? Ничего, византийским императорам всегда нужна крепкая дружина».

Было принято решение плыть на юг. И вот, когда до границы славянского княжества осталось совсем немного верст, соблазнился восточным купцом. Благо дело, плыли по одной реке, в нужную Рыжему сторону. Свою добычу он пас долго, не отпуская ее далеко от себя. Выбрал момент и практически без потерь взял ее. Попутно не отказался и от славянских трэлей, знал, их тоже можно выгодно продать на восточном базаре. Навлечь на себя недовольство славянской верхушки у границы – риск минимален.

Хевдинг зачерпнул из стоявшего у мачты бочонка хмельной мед и с удовольствием большими глотками выпил сладковатую с привкусом специй жидкость. Посмотрел назад за корму, любовно разглядывая свое новое приобретение. Шестеро хирдманов управлялись с купеческим кнорром ничуть не хуже, чем с боевым драккаром.

«Жаль, погиб купец, его тоже выгодно можно было бы продать родичам. Сам виноват, схватился за оружие, вот и получил, чего хотел».

Вожделение будущих побед переполняло сердце Рыжего. Поход, начавшийся сначала так неудачно, выправился в нужную сторону.

«Все же норны – прядильщицы нитей Судьбы – сплели мне удачу. Впереди Ромейское море, и если еще Ньерд постарается провести корабли, минуя шторма и морских пиратов к Царьграду, то ватага вернется к домам своим богатыми людьми, а скальды сочинят висы об удачливом вожде хирда Рагнаре Рыжем, сыне Счастливого. Когда пристанем к берегу, обязательно выберу красивого крепкого трэля и принесу его в жертву Одину, пусть старик окинет единственным глазом отважных героев, собранных на этом драккаре. Я думаю, Всеотцу богов и людей понравится подношение жертвы. Да-а! В честь Ньерда тоже нужно будет зарезать рабыню».

Рыжий пошел по палубе на нос судна, протискиваясь между лавок с отдыхающими гребцами, туда, где разинув пасть на штевне, возвышалась резная голова дракона. Вдруг корабль резко встал, будто натолкнулся на невидимую преграду, то ли ударился о бревно, застрявшее под водой, то ли сел на мель посреди фарватера реки. От неожиданного удара, гребцы покатились с лавок вперед, падая друг на друга, а Рыжий обнял встретившуюся на пути, мачту:

– Что за?..

С берега, из лесных зарослей, из зарослей кустарника, слышались характерные глухие щелчки. На драккаре появились первые раненые и убитые.

– К оружию! – заревел Рыжий. – Щиты на правый борт, прикрыть кормщика. Лучникам стрелять по зарослям правого берега.

Профессионализм быстро занял место мимолетной растерянности. Команда посрывала круглые щиты с бортов, укрывалась за ними. Хирдманы сноровисто надевали брони прямо на голое тело, на головах появились пластинчатые шлемы, с прикрепленными наносниками или полумасками. За считанные мгновения весь хирд был готов к отражению атаки. По причине крутизны берега, с которого произошло нападение, атаковать самим не было никакой возможности. Драккар застопорился, слегка подался кормой к левому берегу, пытался встать поперек фарватера. На палубе осталось лежать восемь бездыханных тел первых воинов, попавших под раздачу неизвестного противника.

В это время плывшее позади купеческое судно с легким стуком ударило в скошенную корму драккара, но не причинив ему никакого вреда, уперлось в борт и застыло на месте. Все, что смогла сделать команда «купца», так это чуть замедлить ход, между тем развернув корму первого корабля еще больше к левому берегу. В этом месте река была настолько узкой, что от берега до центра фарватера можно было доплыть в десять гребков. Образовалась пробка.

Слышались опять слитные хлопки. Противник старался выбить живую силу, причем стреляли не из луков, а из самострелов, это сразу отметил Рыжий.

– Бьерн, проверь, во что мы там уперлись? Почему не стреляют лучники?

– Куда стрелять, вождь?

– Стреляйте на звук, сыновья троллей, или вы хотите, чтоб нас здесь положили как моржей на охоте? – Он, закрываясь щитом, пытался понять, как переломить положение ситуации в навязанном ему бою.

Крепкий здоровенный детина в кожаных штанах и кольчужной рубашке с коротким рукавом, в шлеме с полумаской в половину лица, прикрываясь щитом, с топором в руках, пробрался на нос судна. Он сделал попытку визуально понять, что мешает драккару плыть по реке. В его щите уже торчало два арбалетных болта, пробивших деревянный, обтянутый толстой кожей щит, но застрявших в нем. Один из болтов на выходе из доски повредил руку Бьерна,

кровь обильно сочилась по внутренней стороне поверхности щита, но викинг ее даже не замечал. Присмотревшись, Бьерн наконец-то все понял.

– Рыжий! Здесь из кожаных веревок сплетен толстый канат, переброшенный от берега до берега, с грузилом посередине.

– Так обрубь его. Чего ты ждешь?

– Сейчас попробую дотянуться, он все ж под водой.

– Руби его, иначе мы все здесь подохнем. Нам бы на правый берег выбраться. Этих лесных братьев я буду рвать зубами.

Опять послышались щелчки, и тут же в ответ стоны с палубы. Пятнадцать викингов уже отправились в Валгаллу. Лучники пускали стрелы в лес, как в пустоту, стараясь уловить направление слышимых арбалетных щелчков.

Бьерн, наклонившись за борт, примерился и занес топор для удара, и тут же получил стрелу болта в основание черепа, вошедшую между кромкой кольчуги и шлемом. Топор выпал из руки, бултыхнулся в реку. Безвольное тело воина на половину корпуса свесилось с борта драккара.

– Проклятие! Бросайте «кошки» на берег, цепляйте веревки за деревья и вперед, в атаку. Вперед!

Команда сноровисто бросала «кошки» с привязанными к ним веревками, пытаясь зацепить их за стволы и сучья деревьев.

– Внимание! – послышалась команда из лесного кустарника. – Бить на взлете!

Чтобы перерубить канат, сразу двое викингов метнулись на нос судна, прикрывая друг друга щитами. Десятка полтора хирдманов, оттолкнувшись от борта, попытались перескочить на берег, туда, где засели напавшие. До берега добрались лишь четверо бойцов, остальных болты сбили еще в полете.

«И то дело! Хоть кому-то повезло перебраться на сушу. Теперь дело пойдет!» – думал Рыжий.

– Бросайте еще. Атаковать! Или вы хотите жить вечно? Один ждет каждого из нас!

На берегу, в гуще лесной растительности послышалась возня, треск веток, раздавались непонятные фразы с вкраплениями языка русов.

– Бл...дь! Ох...ли совсем в атаке. Трое на одного. Ну, ничего я тебе щаз еб...ничек на сторону подправлю. Получи!

Рыжий не знал, что пресловутый Сашка Горбыль, которого он и в глаза-то не видел никогда, пришел в боевой транс, как в свое время в это состояние вошел на лесной дороге Андрей Ищенко. Состояние сродни боевому трансу скандинавских берсерков. Вот и Сашка ощутил на своей шкуре подарок «перехода» и по этому случаю стебался сейчас, «за всю мазуту». Запрыгнувшие на берег счастливчики тоже не знали, что, попав в колючие заросли, привычные к мечу и топору на привольном морском раздолье, потеряют преимущество умелых воинов. Не было никакой возможности вести привычный бой, оружие цеплялось за стволы, за ветви кустарника, было не понять, что под ногами, они постоянно спотыкались, натывались на острые сучья. Но это было недолго, появился он, тот, кто, громко сквернословя, с одним ножом, зажатым в руке, быстро разобрался с чужими.

– Я повторяю! Бить на взлете! – снова прошла команда от лесного воеводы.

Атака захлебнулась. А на носу корабля распластались еще два трупа.

У Рыжего был средний драккар, способный разместить до восьмидесяти хирдманов на борту. Более тридцати из них уже погибли. Вспомнив фокусы Локи, он несмотря на постоянный обстрел, попытался поговорить со старшим нападавших.

– Эй! На берегу. За что вы на нас напали? Давай договариваться. Мы проплывем мимо, не предъявляя претензий на кровь. Мы даже готовы заплатить.

И тут снова в разговор влез Сашка:

– Абдула, ты же знаешь, я мзду не беру. Мне за державу обидно.

– Я Рагнар Рыжий, сын Фудри Счастливого...

– Да мне насрать, рыжий ты или чернявый. А счастья ты у меня сейчас полные штаны наложишь. Уж я об этом позабочусь. Сучье отродье. А ну, ребята, вмажьте им еще, чтоб счастья сразу прибавилось.

Дружный арбалетный щелчок, стоны, крики, а с берега опять неслось:

– ...твою мать. Понял б...дь, что тебя ожидает, ушлепок.

– Сашка, хорош базлать, правила русской речи на производстве, я тебя потом заучивать заставлю.

– А чего, командир, эти пиндосы меня уже достали. С юга лезут, с севера лезут. Как будто, наше говно медом намазано. Куда бедному крестьянину податься. Охренели совсем.

– Сашка, ты там случайно не приложился к бутылке?

– Откуда бутылка, командир?

Услыхав все это, Рыжий вскипел. За всю его жизнь так с ним еще никто не говорил. Его просто игнорировали, воспринимали как пустое место. Как сказали бы в двадцать первом веке – он столкнулся с полнейшим беспределом, имея дело с отморозками.

– Всем в атаку! На приступ. За мной! – В порыве бешенства первым прыгнул за борт, в сторону правого, высокого берега. Внезапно в попытавшихся последовать за вождем воинов из зелени леса раздался громкий, ни на что не похожий, трескучий перестук, и первую линию бойцов, готовых броситься в воду, словно слизало в Хель. Это Сашка дал очередь на тридцать патронов из своего калаша по сгрудившимся у борта, прикрывшимся щитами чужим воинам. А пока остальные присели, попрятавшись за бортом, вождь «северных команчей» бесновался в одиночку, пытаясь выбраться на крутой берег, ругая всех и вся. Ватага лишилась командования, в ней осталось не более тридцати бойцов.

На кнорре заголосили женщины, заплакали дети. Нурман мечом срубил голову одной из голосивших баб, занес меч для следующего удара.

Послышалась команда:

– Уничтожить команду «купца»!

Снова арбалетные щелчки, и было видно, как исхитрившийся выжить в избиении одиночка выпрыгнул за борт. Команда на «купце» прекратила свое существование.

Словно тяжелая капля, упавшая с неба, обозначившая скорый ливень, так и первый выпрыгнувший за борт обозначил сигнал:

«Пора делать ноги!»

Нурманы бросились к левому борту, стали выпрыгивать в реку. До берега рукой подать, а за спиной щелкали выстрелы.

На берег выбралось не более десятка викингов. На последнем дыхании они врывались в прибрежные кусты, мгновенно исчезая там.

– Не преследовать, – послышалось с правого берега. – Сотник Горбыль, пеленай рыжего счастливчика.

– А это мы с превеликим удовольствием. Ну что, чмо, не устал там барахтаться? Подожди, я тебе сейчас помогу.

Сидя у мачты, связанный по рукам и ногам, с огромным фиолетовым фингалом, в половину лица, Рыжий с удивлением наблюдал, как по судну, вокруг него, сновали юнцы, уничтожившие его хирд. Они с энтузиазмом сбрасывали трупы викингов за борт, предварительно «ошкурив» тела от всего лишнего на их взгляд. Морально добил Рыжего мелкий рыжий пацан Пашка, подойдя к нему, полюбовался качеством удара дяди Саши деловито спросил:

– Ну что, козлина, штаны намокли? Это тебе не мирных колхозников окучивать. Я бы за такое тебе лично яйца отрезал. Скажи спасибо командиру, запретил.

Из сказанного Рагнар Рыжий понял, дай бог, половину, но на душе у него стало еще гадостнее.

Северян освободили. Произнося перед ними пламенную речь о переезде на новое место жительства, Монзырев не забыл упомянуть напутствие Ратибора. Оба судна поставили носами по течению и поплыли вниз по реке.

К обеду следующего дня драккар и купеческое судно пристали к пристани в заливчике перед городищем. На берегу их вышло встречать почти все население общины во главе с Вестимиром и Андреем Ищенко, возле которого стояли два незнакомых варяга при полном вооружении. У одного из незнакомых воинов вместо ноги был пристегнут ремнями к бедру протез, сотворенный из цельного куска дерева. Вдоль берега, по песчаному пляжу, взад-вперед носилась Галкина доберманиха, оглашая округу лаем.

– Дома! – с восторгом вырвалось у Монзырева.

Незнакомых Анатолию людей, в городище явно прибавилось. Остаток дня заняли хозяйственные хлопоты. А вечером была баня, после которой всех курсантов распустили на помывку в двухдневный отпуск. А после бани...

После бани у юрт, где все еще жили попаданцы, собрались только близкие, также присутствовали Вестимир, Улеб Гунарович, Стегги Одноногий и Боривой. Накрытый стол ломился от еды. Это был первый праздник для них в этом мире. Праздник встречи. Все живы, все здоровы, чего еще можно желать. Монзырев поднялся с лавочки с глиняной кружкой в руках.

– Друзья мои. Хочу выпить за нашу первую победу. Победу, с которой Андрей вернулся из Курска. Победу Александра с его молодыми волчатами. Победу наших девчонок, сумевших перебороть себя для жизни в этом мире. Победу Вестимира, сохранившего род. Победу Улеба Гунаровича, решившегося со своим земляком коренным образом поменять ход привычной жизни. Я хочу выпить за нас.

Веселое застолье продолжалось допоздна. Молодое поколение ушло спать. На стол были поставлены глиняные светильники. В свои права вступила ночь.

– Сашка, а не злоупотребят ли твои герои хмельным, на радостях-то, что остались живы в передраге?

Горбыль, влив в себя очередную кружку хмельного меда, глянул на Монзырева осоловелыми глазами.

– Да ладно, командир – компот, – он кивнул на свою кружку с налитой в нее медовой. – Проку-то от такого напитка чуть! Ты лучше вспомни, как зимой перед увольнением дембеля понапивались, а старшина так и вовсе пьяным в отлучку ушел. Ха-ха. Василича тогда из постели в пятом часу утра подняли. Ха-ха-ха. В воскресенье-то. Ну, а он по случаю такого праздника всю часть по сигналу «сбор» поднял. Старшина через двадцать минут нашелся, офицеры еще до части добраться не успели.

– Санек, а помнишь высказывание командира части, – включился в воспоминания Андрей.

– Какое? У него их много.

– Да, Александр Васильевич практически перед строем объявил, что у нас в части два еврея и один хохол, а все остальные русские.

– Я, наверное, тогда в отпуске был. А кто такие?

– Да начальник мой, подполковник Семибратов, а второй – командир роты, Пашка Бупков, кум его, он у него дочь Машку крестил. Вот командир и сказал, что Семибратов, старший еврей, секач можно сказать, а Пашка – младший, но подающий бо-ольши-ие надежды.

– А кто такой еврей? – спросил сидящий рядом с Вестимиром Улеб.

– Ну-у. Ну, это хазарин, – ответил за открывшего было рот Андрея Монзырев.

– Во-во. Хазарин.

– А хохол-то кто? – как ни в чем не бывало, спросил Сашка.

– А ты сам-то не догадываешься?

– Нет. Просвети.

– Командир считает, что это наш зампотех, подполковник Подопригора Анатолий Николаевич, тезка майора. Так собеседнику иной раз голову заморочит, если ему что надо от него, что тот готов отдать ему последнюю рубашку, лишь бы отстал. Да и горилки выпить не дурак, словно полковой медик. Даже традиция у него есть.

– Какая?

– Да он на каждый женский день восьмое марта в пьяном виде ломает себе если не руку, то ногу. Если не сломал, так день этот и на праздник не похож. Теперь перед каждым женским днем полковник Василенков со своим первым замом Дьяконовым даже своеобразный тотализатор устраивают. А сломает ли Николаич себе что-нибудь на этот раз? А что сломает – руку или ногу?

– Охренеть!

– А кто такой хохол? – переваривая сказанное, опять задал вопрос Улеб.

– Да как тебе сказать, Улеб Гунарович? – Монзырев только открыл рот. – Это...

– Это сверххитрожопый офеня. Ну, торговец мелким товаром. Лоточник, – опередил Монзырева Сашка.

Монзырев закрыл рот, во все глаза вытаращившись на Горбыля, удивляясь его новыми познаниями, вписавшимися в контекст реалий Киевской Руси.

– А что такое хитрожопый?

– Слишком много вопросов задаешь, Улеб Гунарович! – приподняв палец вверх, констатировал совсем окосевший Сашка. – Щас приму на грудь еще граммов двести пятьдесят, вот тогда и спрашивай.

– Все, расходимся, завтра трудный день! – прихлопнул столешницу ладонью Монзырев. Компания стала собираться ко сну. На плечо Монзырева легла ладонь Вестимира.

– Что будем делать с пленным нурманом?

– Об этом я подумаю завтра.

6

По вечерам веяло свежестью, но порывы резкого ветра еще не напоминали, что холода уже не за горами. Юг. Месяц назад прошли зажинки – праздник пахаря, праздник хлебороба. Многие деревья стояли пока совсем зеленые. Земля еще не приняла на себя влагу проливных дождей, транспортные артерии не превратились в осеннюю распутицу.

По узкой лесной дороге, спокойной иноходью, скакала цепочка конных воев. Сторонний наблюдатель, если бы был таковой, вглядевшись в проезжих, одетых в броню и при оружии, решил бы, что шестеро варягов куда-то направляются по своим воинским делам. И был бы не совсем прав.

Возглавлял кавалькаду рослый широкоплечий красивый мужчина с ухоженными усами, спускавшимися по сторонам бритого подбородка, в островерхом славянском шлеме, обрамленном бармицей, мелкие кольца которой, покрывали плечи. Корзно, пристегнутое золоченой бронзовой фибулой на груди, широким пологом покрывало круп лошади, не сковывало движений всадника.

Сопровождающие экипированы по-походному рационально, но живописно. Среди них выделялись двое безусых юнцов. При внимательном взгляде можно было бы понять, что один из этих двоих – молодая красивая дева, а второй воин – отрок, еще не привыкший к ношению тяжелого доспеха. Шестым в колонне, на лохматой печенежской лошадке, выраженный в холщовую одежду и кафтан без всяких украс, скакал бородатый мужчина, все оружие которого составлял лук с колчаном стрел за спиной да нож у пояса.

Лошади перешли на размеренный шаг, шуршащий дорожный песок вылетал из-под копыт. Расступившийся лес открыл взору небольшую полянку с набитой колеей дороги по центру. С правой стороны от дорожного полотна, у самого начала зеленой стены леса, отчетливо проглядывался невысокого размера истукан. Бородатый лик с подобием улыбки производил впечатление уюта. При виде толстого божка задний всадник понуканием заставил своего мохноногого конька прибавить бег и, обогнув остальных, догнал старшего:

– Боярин, вон наш чур у дороги, до веси не далее двух стрелищ пройти осталось. Остановиться бы потребно, оказать уважение Диду.

– Остановимся, Избор, – согласился глава отряда.

Деревянный хранитель границ общинных земель с загадочной улыбкой наблюдал за спешившимися всадниками. Избор, сняв с луки седла бурдюк с хмельным медом, подойдя к чуру, плеснул к его подножию жидкости на добрый глоток. Девушка, опустившись на колено, положила туда же кусок рыбного пирога. Избор, пошептав что-то сокровенное, закрыл кожаную емкость деревянной пробкой, приторочил к седлу.

– Галина, отнеси угощение и берегине этого места. Пусть приютит дорожного путника в случае надобности, – распорядился старший. – Вон к малиннику отнеси.

Кивнув, девушка прошла к окраине лесного малинника, положив кусок пирога на землю, прямо в траву, быстро вернулась. Ощущение близости к родным очагам будто витало в воздухе. Размяв ноги, путники, вскочив на лошадей, продолжили свой поход.

На закатном солнце Монзырев, Улеб, Стегги Одноногий, Галина, Избор и Михайло добрались до родной веси. Выехав из леса на простор, Монзырев с гордостью окинул взглядом словно выросшую перед глазами деревянную крепость-цитадель, заменившую частокол старой веси. Крепостные стены на четыре с половиной метра вздымались в высоту над земляной насыпью, через каждые пятьдесят шагов над стенами, чуть выдвинутые вперед для прострела вдоль стен, высились башенки со скатными крышами. От башни к башне шли покрытые навесом галереи для защитников крепостной стены, по ним сквозняком проложены переходы по всему периметру, через все крепостные башни. Вокруг крепостного сооружения незначительно

вздымалась насыпь, существенно увеличившая высоту стен и ров перед ними. Женщины племени, с лопатами в руках, в течение четырех месяцев вырыли ров. Через оба крепостных входа перекинуты подвесные мосты.

Монзырев при строительстве крепости пошел по самому простому пути. Оставив городище нетронутым, он увеличил его площадь и стал выстраивать стены по внешнему периметру. Архитектором и прорабом стройки была назначена Людмила, в прошлом студентка исторического факультета педагогического университета. Маленькая, симпатичная девчушка, за время руководства работами зарекомендовала себя высококлассным специалистом, а кряжистая фигура Стегги Одноногого, практически постоянно сопровождавшего ее, всегда снимала вопросы подчиненности в процессе самого строительства. Оба варяга, попавших в весь кривичей, сразу осознали, что Монзырев отличается по характеру и делам своим от многих бояр, в подчинении которых они ранее находились. Оба старика потянулись душами к своему молодому хевдингу, снимая с его плеч многие заботы, чувствовали ответное отношение к себе.

Монзырев создал бригаду поисковиков строительного леса, шнырявших по всей округе, благо лес был везде и совсем недалеко. Бригаду лесорубов, с упорством семейства бобров, окучивающую хлысты нужной длины и толщины. Бригаду по транспортировке и вывозу стройматериалов, эти, словно муравьи без усталости, с утра и до позднего вечера грузили и возили древесину. Бригада плотников не покладая рук с каждым новым часом поднимала стены все выше и выше, тут же ставили срубы на вновь распланированных улицах внутри будущей крепости. Бригада по заполнению межсрубных пустот землей засыпала широкий промежуток простенков ползущей вверх стены землей из рывшегося рва. Все население было задействовано на строительстве. Мало того, теперь уже поместный, полноправный хозяин этих земель, Монзырев, привлек на работы всех жителей окрестных населенных пунктов, засунув на время принципы демократии куда подальше, надрывно воспевающие в его душе: «Так с народом обращаться дурно!» Крепость поставили. На сегодняшний день у укрепления отсутствовали кованые ворота и не достроены внутренние постройки. Стройматериалы заготавливались и по сей день. Впереди зима. Жилые срубы можно ставить и в мороз.

Анатолий планировал в центре цитадели поставить терем с конюшней, два склада для продовольствия, казарму, избу-комендатуру, поруб, а вместо хибар, где до сих пор ютились поселяне, каждой семье – приличную избу с печью, сделанной из кирпича, для отопления жилища по-белому, как у дачников в двадцатом веке. Планировал выстроить постоянный двор для приезжих и пару изб, типа клубов, людям надо давать культурно отдыхать. Да много чего он планировал – времени катастрофически не хватало. Главная задача – встретить кочевников по весне. Радовало только одно, в отличие от работников пилы и топора двадцатого века, русичи века десятого обращались с древесиной не в пример шустрее, поднимая производительность труда на уровень раз в десять выше, чем у коллег в будущем.

А сейчас, сидя на лошадях в отдалении от крепости, люди любовались на дело рук своих.

– Ну, вот мы и дома.

Никем особо не понукаемые, лошади, почувствовав близость дома, шустро потрусили по дороге, прямо к воротным крепостным проемам. Попадавшие навстречу родовичи, занятые своими делами после рабочего дня в общине, приветливо кланялись проезжавшему боярину. Монзырев кивал в ответ, иногда перекидываясь добрым словом с ними. Въехав в крепость, поздоровались с мужиками, выставленными для охраны городища, одетыми в броню, со щитами и копьями в руках. Проскакали за частокол, с удивлением увидели почти построенный за неделю отсутствия терем в центре поселения. Несмотря на позднее время, плотницкая бригада все еще трудилась над его созданием. Рядом с постройкой о чем-то спорили Вестмир с Людмилой и Ищенко. Соскочив с лошадей, сразу же попали к ним в объятия. На немой вопрос Монзырева волхв, улыбаясь, сообщил:

– Не можем же мы допустить, чтобы родовой боярин все еще проживал бы в печенежской юрте.

– Командир, как поездка?

– Все путем, Андрей, – ответил Монзырев, с интересом разглядывая терем, его пока еще пустые проемы дверей, окон и отсутствие крыльца. Подумал про то, что скоро вся деревня будет пестреть новыми избами.

– Ну что ж, с почином тебя, Глеб Егорыч, – вслух сам себе сказал он.

– Что, Николаич, «Место встречи изменить нельзя» вспомнил? – зазубоскалил Андрей.

– Вспомнил, что пора тебе еще ходку в Курск сделать, да до распутицы вернуться успеть.

– Съездим, чё нам, диким кабанам... как говорится. Пойдем лучше, с приездом хмельным медком потешим себя, – залихватски повел плечами Андрюха.

Только сейчас Монзырев заметил, что тот явно уже был под хмельком.

– Да диким кабанам-то ни чё. А вот нам с тобой – чё.

Глянув на Монзырева, Андрюха понял, что тот намекает на рассказанный как-то им же самим случай про них с Семибратовым.

Перед Новым годом, как и положено в Российской армии, в воинской части была запарка, причем запарка конкретная, по всем направлениям. Судя по всему, охреневшее начальство наверху, в преддверие веселой встречи десятидневных каникул, двадцать шестого декабря слило в «низы» кучу бумаг, которые требовалось срочно отработать. Дьяконов насел на начальников подразделений, запугал, надавил, наорал, и работа пошла, нет, она как бешеный рысак помчалась по компьютерным мониторам. И тут, командиру срочно потребовалось отправить Семибратова в КЭЧ, опять-таки по бумажным вопросам. У тех тоже случилась запарка, организация-то полувойсковая. Седой, умудренный подполковник объяснил Андрюхе, что и как надо сделать в его отсутствие. Сам сел в УАЗ и укатил выполнять поручение. Оставшись практически бесконтрольным, тот, недолго думая, слинял в роту к лучшему другу и собутыльнику прапорщику Зинкину, такому же щеглу, как и он сам. Раздав в каптерке пузырь водки, решили позвонить Тарараскину, одному из начальников подразделений, холостяку с благородной сединой в волосах, но большому любителю выгулять на поводке зеленого змия без намордника. Услышав зов честной компании, тот уже через пять минут уселся на стул во главе стола.

Короче, когда Семибратов в четыре часа вечера пересек порог штаба, пьяный в стельку Андрюха сидел за его столом в кабинете, с нулевой отработкой документов. Увидев любимого начальника, тут же перешел в наступление, высказавшись по поводу службы, армии, далекого московского начальства и начальников в целом, с элементами ненормативной лексики, в выражениях с яркой негативной окраской. Семибратов молча выслушал тираду, уложив разбуянившегося словесно лейтенанта на диван, стоящий в кабинете. Что толку объяснять пьяному мальцу, с какой стороны у тебя тубетейка на «чайнике». До позднего вечера работал с бумагами и, выключив свет, прикрыл дверь. Мысленно пожелав подчиненному спокойной ночи, удалился домой.

На следующий день в подразделении Семибратова один из подчиненных после рабочего дня проставлялся за день рождения. Никаких разборок с проштрафившимся подчиненным Семибратов устраивать не стал, с хитрой улыбкой подошел к помятому, невыспавшемуся, страдавшему похмельем Андрею:

– Андрей, нам с тобой на твоём «мустанге» необходимо будет после сэйшэна съездить по делам, так что ты не пей.

И в течение полутора часов усиленно, в темпе вальса, накачался спиртным. Трезвый до безобразия, Андрюха дотащил начальника до машины. Усадил его. Отчалили. В полусонном состоянии начальник произнес:

– Андрюша, а теперь я тебе в машине еще и наблюдаю. Чтоб ты на всю жизнь запомнил, глядя на начальника, каким свином ты бываешь, когда с Зинкой и Тарараскиным пьете бесконтрольно на работе. Подожди, сейчас тебе меня еще и на пятый этаж тащить придется.

Андрей тот случай запомнил, но по молодости лет выводов так и не сделал.

– Да пошутил я, Николаич.

– Я уж понял, что пошутил. Ну что ж, коли терем, считай, стоит, Вестимир, ты завтра поутру собери всех бригадиров и начальников сюда. Короче, всю старшину веси на совещание.

– Будут собраны, не сомневайся.

– А нам бы сегодня баньку посетить, дорожную пыль смыть.

– А мы как знали, протопили с полудня.

– Тогда чего мы стоим, приглашай.

От пара и свежих березовых веников голова улетала светлой дурниной под высь. После каждого захода в парную тело нагревалось, а на выходе желудок получал порцию холодного хлебного кваса. Вышли из бани чистыми, намытыми. Вечерняя прохлада, легкие сумерки на дворе. К Монзыреву подошел Вестимир.

– Николаич, ты давай иди ко мне в избушку, в нашу заповедную дубраву, пошепчемся. Там и квасок холодный, и покушать чего найдешь. А я тут дела поделаю и подойду, – с тихой лукавинкой в голосе произнес он.

– Хорошо. Спать-то еще вроде и рано.

Знакомой тропинкой под сенью вековых дубов Монзырев подошел к воротам капища. Войдя в них, остановился. Подняв руку в приветствии, весело вымолвил:

– Приветствую вас, боги славянские. Пустите переночевать? Я вас слишком не побеспокою.

Тишина. Сквозняк из-за частокола принес обрывок осеннего тумана. Он как облачко, похожее на футбольный мяч, проплыл над подворьем, проскользив у самого лица Монзырева, изменил направление, двинулся к истукану богини Лады и распался, будто его и не было.

– Ну что ж, молчание – знак согласия.

Повернув вправо, боярин вошел в хорошо знакомую избенку. Одноразовой зажигалкой, оставшейся из прошлой жизни, со времен, когда еще курил, зажег глиняный светильник на столе. Единственная комната, она же – горница, осветилась тусклым ненавязчивым светом. Налил из кувшина в глиняную кружку кваса, усевшись, неспешно отпивал его. Просидев, какое-то время, ожидая Вестимира, замороженный мерцанием огонька, не заметил, как голова поникла на ладони и он уснул прямо за столом. Сказались усталость прожитого дня и поход в баню.

Проснулся от прикосновения прохладной ладошки к лицу. Приподнял голову от столешницы, у настежь открытой двери увидел хорошо знакомый женский силуэт в легком летнем платице. Приглядевшись, офигел, женщина была не кто иная, как его бывшая жена Варвара, такая же красивая и желанная в лунном освещении, как и в дни их любви. В голову пришла мысль: «Волхв, с-сука, для меня Варьку из будущего перетащил, то-то старый козел так лукаво скалился. Пошептаться ему захотелось, старому уродцу».

– Иди ко мне!

В армии выполнение приказов вдальбливается с первых дней службы. Вышел из-за стола, шагнул к Варваре. Дух противоречия усиленно боролся со спермотоксикозом.

– Ты хочешь мне что-то сказать?

Ничего она ему не сказала. Как только он оказался рядом, она прижалась к нему всем телом. Монзырев уловил запах ее волос, запах всегда так приятно пахнущего тела. Рванув узел веревки гашника на шароварах, сунула руку туда, где катастрофически быстро поднималось естество. Монзырев, чисто на упрямстве и остатках самолюбия, еще пытался держаться. Прижав его спиной к дверному косяку, Варька стянула шаровары до самых колен, и сама опусти-

лась на колени перед ним. Нежные, мягкие руки ухватили его ягодицы. А губы, самые сладкие губы в этом богом забытом десятом веке, охватили весь низ живота. Из горла Монзырева вырвался грозный рык. Долгое воздержание приближало тот миг блаженства, после которого женщина опустошает мужчину всего до последней клеточки. Монзыреву захотелось, чтобы это произошло как можно быстрее. Но Варька, зараза, внезапно встала на ноги, одним движением разорвала рубаху на груди, впиалась острыми зубками в его сосок. Монзыреву это не понравилось. Обхватив ее голову руками, попытался вернуть в прежнее положение. Кто бросает начатое, не доведя дело до логического завершения? Варькино упрямство, до брака и в браке с ним, часто приводило Монзырева в бешенство. Но данная ситуация, когда сперма готова с напором лезть даже из ушей, его просто добила. Короткое время происходила любовная борьба. Варькины потуги встать на ноги из первоначального положения закончились тем, что она резко отстранилась.

Встав, через голову сорвала с себя легкое платье, оставшись в лифчике, кружевных трусах и чулках на босую ногу. Увидев все это, Монзырев, свирепея, подался к бывшей жене. Негодяйка с ехидной улыбкой отступила назад, на улицу, прямо к подворью с истуканами. Монзырев шагнул за ней, забыв про спущенные шаровары, запутался в них, чебурахнулся с низкой ступени. Ни фига себе – удовольствие смазала. Стащил с себя шаровары вместе с сапогами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.